

Редакционная коллегия:

акад. В. П. ВОЛГИН (*отв. редактор*), акад.
Б. Д. ГРЕКОВ, Е. М. ЖУКОВ, В. И. СВЕТЛОВ,
С. П. ТОЛСТОВ, В. В. АЛЬТМАН (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Академик В. П. Волгин — Политические идеи Вольтера	3
Чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский — Вольтер и историческая наука	14
Л. И. Зубок — Борьба в США вокруг вопроса о Лиге наций в 1919—1920 гг.	27
Чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский — Игнатий Юлианович Крачковский как историк	40
Б. А. Рыбаков — Василий Алексеевич Городцов (1860—1945)	47
Рецензии	
Чл.-корр. АН УССР С. В. Юшков — Б. Д. Греков. Киевская Русь	50

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С О Ю З А   С С Р

ИЗВЕСТИЯ

А К А Д Е М И И   Н А У К   С С С Р

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

Том II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

1945

Moscow

Академик В. П. ВОЛГИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВОЛЬТЕРА¹

21 ноября 1944 г. исполнилось 250 лет со дня рождения замечательного французского писателя XVIII в. Франсуа Мари Аруэ, вошедшего в историю под именем Вольтера.

Литературное наследие Вольтера чрезвычайно разнообразно. Трагедии и комедии, героическая поэма и поэма-пародия, повести и рассказы, исторические и философские труды, диалоги и памфлеты публицистического и популяризаторского характера — все эти виды литературных произведений представлены в его творчестве — и представлены первоклассными для своего времени образцами. Вольтера нельзя миновать ни в истории драмы, ни в истории романа, ни в истории философии. Но истинное величие историческому образу Вольтера придает не то, что он написал ряд имевших большой успех трагедий, ряд остроумных и живых рассказов, не то, что он популяризировал Ньютона и Локка. В памяти прогрессивного человечества его имя будет жить прежде всего и больше всего как имя общественного деятеля в самом полном смысле этого слова. Немного найдется писателей, литературная деятельность которых во всех ее формах была бы подчинена общественным целям, общественному служению в такой мере, как то было у Вольтера. Почти каждое литературное произведение Вольтера, за весьма небольшими исключениями, было актом общественной борьбы.

Литературное творчество в руках Вольтера впервые получило значение крупной общественной силы. Вольтер занимал в Европе своего времени положение «некоронованного короля» новой державы — общественного мнения. Среди его предшественников и современников — писателей XVI—XVIII вв. — было не мало людей исключительного дарования. Многие из них как писатели стоят выше Вольтера. Но никто до него не мог претендовать на тот исключительный авторитет, который завоевал себе Вольтер своей общественной деятельностью. «Трон», который занимал Вольтер, был создан, конечно, его эпохой, тем новым общественным классом, который в его время подымался к своему господству. Но Вольтер занял его по праву; и не ошибался тот его современник, который, услышав о смерти Вольтера, предсказал, что этот трон будет долго вакантен.

Вольтер родился в царствование Людовика XIV. Это были годы, когда французский абсолютизм по внешним признакам достиг своего апогея; годы, когда в глубинах общественного организма начинался уже процесс распада тех сил, которые эту политическую форму создали и поддерживали. Вольтер умер за десять лет до великой буржуазной революции, когда многие прозорливые люди, — и сам Вольтер в их числе, — уже предчувствовали приближение небывалого социального катаклизма. Время его жизни — время разложения феодально-абсолютистского порядка, время формирования новой идеологии, время идейной подготовки революции. Процесс формирования революционной

¹ Из доклада, прочитанного на торжественном заседании Академии Наук СССР, посвященном 250-летию со дня рождения Вольтера, 25 ноября 1944 г.

идеологии во Франции XVIII в.— процесс сложный, длительный и противоречивый. В годы детства и юности Вольтера — в годы, впечатления которых накладывают обычно неизгладимый отпечаток на психический облик человека,— почтение к традициям абсолютной монархии еще было очень сильно даже в наиболее политически развитых слоях буржуазии и буржуазной интеллигенции. На определенной стадии развития феодального общества абсолютная монархия является политической формой, содействующей развитию производительных сил. Абсолютная монархия, говорит Энгельс об этом периоде, «уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию»¹; она представляется посредницей между этими классами. Эта кажущаяся самостоятельность абсолютной монархии по отношению к господствующему классу феодального общества создает почву для буржуазной идеализации абсолютизма как силы, способной «исправить» феодальное общество в нужном для буржуазного развития направлении, устранить все то, что этому развитию препятствует. Такая идеализация монархии свидетельствует о том, что буржуазия еще не чувствует себя достаточно сильной, чтобы возглавить народ, сбросить старые господствующие классы и самой взять в руки власти. Такая идеализация свидетельствует, с другой стороны, о том, что буржуазия еще не осознала всей непримиримости интересов буржуазного развития с феодальным порядком, что буржуазия считает возможным для себя компромисс и некое мирное сожительство на базе этого компромисса со старым господствующим классом.

С дальнейшим развитием капиталистических отношений, с укладом феодального дворянства и с ростом социального значения буржуазии то соотношение классовых сил, на которое опирается монархия, отходит в прошлое. Растет сознание того, что для дальнейшего развития общества старый феодальный порядок должен быть разрушен (до основания, что монархия является на этом пути не орудием прогресса, а препятствием, которое необходимо устранить во что бы то ни стало. Социальная база монархии суживается, ее авторитет падает. В обществе возникают и получают широкое распространение новые представления о государстве и его формах, соответствующие новым общественным потребностям. Процесс создания новых политических представлений осложняется наличием внутренних противоречий между различными группировками буржуазии, в неодинаковой мере заинтересованными в ликвидации феодального порядка и абсолютизма, а также противоречий между буржуазией и широкими демократическими массами «третьего сословия», без которых революционное преодоление феодализма невозможно. Своего полного завершения этот процесс достигает лишь в эпоху революции.

Новая прогрессивная идеология выковывалась в напряженной борьбе со старыми идеологическими традициями — с учением о божественном происхождении королевской власти, об исторических правах дворянства,— с освящающей эти традиции католической церковью, в течение ряда столетий прочно сросшейся с феодальным обществом и его господствующим классом. Эта борьба французских просветителей XVIII в. имеет громадное историческое значение. Подрывая идеологические основы старого феодально-абсолютистского порядка, буржуазная общественная мысль подготовляла ликвидацию феодализма и становление буржуазного общества. Она делала великое прогрессивное дело, она расчищала путь для движения человечества вперед. В осуществлении своих исторических задач французская буржуазия XVIII в. опиралась на общественные низы, на крестьянство, на плебейские массы. Именно эта связь с широкими народными массами — связь, осно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 147.

ванная на общем стремлении к низвержению феодально-абсолютистского порядка,—обеспечила победу великого революционного штурма конца XVIII в. Французская буржуазия выступала в XVIII в. как представитель всего общества, ее лозунгом была борьба за интересы народа в целом. Это придавало исключительный размах и глубину общественной мысли XVIII в., с неповторимой для буржуазной мысли смелостью рвавшей узы традиционных верований и предрассудков и провозглашавшей наступление царства разума, вечной справедливости и неотъемлемых прав человека. Конечно, это царство разума оказалось впоследствии «идеализированным царством буржуазии» (Энгельс). Тем не менее, разрабатывая основы грядущего «царства разума» и расчищая почву для его построения, лучшие представители французской мысли XVIII в. установили ряд принципов, дальнейшее развитие и последовательное проведение которых далеко выходило за пределы классовых интересов буржуазии.

Вольтер родился в семье, принадлежавшей к третьему сословию. В семье его отца, Аруэ, были купцы, кожевники, суконщики; сам отец поднялся до положения нотариуса, имеющего весьма высокопоставленную клиентуру. Мать происходила из семьи мелких судейских служащих, лишь недавно получивших дворянство. Отец, заботясь о будущем сына, отдал его в пользовавшийся весьма высокой репутацией иезуитский коллеж Louis le Grand. Великосветские связи отца, знакомства, приобретенные в коллеже, рано проявившаяся исключительная одаренность — обеспечили юному Аруэ право входа в аристократическое общество. Это сомнительное право демонстрировать свои таланты в великосветских салонах содействовало ранней популярности Вольтера как поэта и остролова. Но ранние лавры покупались дорогой ценой: молодому поэту, познавшему барскую любовь, пришлось вскоре познать и барский гнев. История молодых лет Вольтера — не только история успехов, но также история ряда болезненных ударов по самолюбию молодого мещанина, попавшего в дворянскую среду и возомнившего себя ровней своим любезным хозяевам. Так как поэтический талант Вольтера уже в эти годы носил ярко выраженный сатирический характер, о его социально-политическом воспитании проявляли заботу не только чванливые вельможи, но и правительственная власть. После ряда мелких неприятностей в 1717 г. поэта постигла крупная: он был посажен в Бастилию, где провел одиннадцать месяцев. В 1725 г. один знатный прохвост, обидевшись на остроловие Вольтера, приказал лакеям избить его палками. Оскорбленный Вольтер не нашел поддержки у своих знатных друзей. А правительство приняло самые решительные меры, чтобы защитить вельможу от гнева Вольтера. В 1727 г. после краткого на этот раз заточения в Бастилии Вольтер был выслан в Англию.

Еще до высылки в Англию Вольтер познал ту истину, что «во Франции можно быть или молотом или наковальней» и что он принадлежит по рождению к разряду людей, которые предназначены быть наковальней. В его произведениях этого раннего периода не мало черт, характерных для будущего борца и пропагандиста. Пребывание в Англии расширило его социально-политический и философский кругозор, познакомило его непосредственно с социально-политическими порядками, совершенно не похожими на порядки Франции времени регентства. В Англию Вольтер уехал талантливым поэтом и сатириком; в Англии было завершено его воспитание как просветителя. Из Англии Вольтер привез «Философские письма», которые Лансон назвал «первой бомбой, брошенной в старый режим», и которые объединили в осуждении автора, несмотря на все их споры и разногласия, правительство и парламент, иезуитов и янсенистов.

Если до «Философских писем» литературная деятельность Вольтера

ра носила несколько разбросанный характер, то, начиная с этого произведения, она приобретает с каждым годом возрастающую целеустремленность. Творчество Вольтера подчиняется единой задаче — задаче распространения просвещения, освобождения человеческого разума от тяготеющих над ним предрассудков. Литература становится орудием борьбы за лучшее будущее человечества, ибо для Вольтера это лучшее будущее невозможно без просвещения, торжество справедливости имеет своей необходимой предпосылкой торжество разума и истины. Центральное место в этой просветительной пропаганде Вольтера занимает борьба против суеверий и предрассудков, связанных с религией и усиленно распространяемых церковью. Церковь для Вольтера — главный враг не только потому, что религиозные суеверия и предрассудки наиболее противоречат здравому человеческому разуму, не только потому, что они особенно широко распространены и особенно прочно укоренились, но также — и главным образом — потому, что они являются источником и оправданием величайших общественных зол. Освобождение разума от предрассудков важно для него не только потому, что оно дает правильное понимание мира, но также — и главным образом — потому, что оно обещает перестройку общественных отношений на разумных основах.

В борьбе с церковью Вольтер не жалел ни времени, ни сил. Чтобы «сокрушить негодную», он приводил в действие все орудия своего многостороннего таланта: он анализировал и сопоставлял исторические источники христианского учения, выявлял его внутренние логические противоречия, яркими, хотя подчас и грубыми мазками изображал преступления церкви — инквизицию, религиозные войны, судебные процессы против «еретиков», с подлинным моральным пафосом громил в своих памфлетах ее нетерпимость и жестокость. Но излюбленным и наиболее действенным его орудием была насмешка, — тонкая, язвительная, уничижающая насмешка, в которой Вольтер является непревзойденным мастером.

Вольтеровская критика книг ветхого и нового заветов представляется нам теперь, — после успехов в этой области исторической науки XIX—XX вв., — чрезвычайно упрощенной. Но цель, которую ставил себе Вольтер, этой критикой достигалась. Тщательно выискивая и выставляя на показ «нелепости» этих «священных» книг, Вольтер стремился доказать их человеческое происхождение, рассеять окружавший их и делавший их неприкосновенными для человеческого разума ореол «божественного откровения». Вольтер внушал своим читателям, что библия представляет собой смесь преданий, хроник, поучительных рассказов, принадлежавших маленькому невежественному и суеверному пастушескому народу. Признавая историческое существование Иисуса, Вольтер доказывал, что он был только человек, что он не создал ни христианской догматики, ни христианской иерархии, что канонические евангелия возникли гораздо позднее, что дальнейшая история христианства изобилует измышлениями, основанными на подделках и фальсификациях. Христианство, утверждал он, добилось господствующего положения при помощи денег: разбогатевшие на торговых операциях христиане кредитовали императоров и тем поставили их в зависимость от себя. Все это было ново для широкой читающей массы, все это преподносилось в ясной, подчас довольно грубой форме, вызывавшей и по сей день вызывающей возмущение не только среди ревнителей веры, но и среди людей с высоко развитой «академической» терпимостью к суевериям и нетерпимостью к критике. Но для правильной оценки вольтеровской полемики против церкви надо иметь в виду, что большинство произведений Вольтера, посвященных критике священных книг, было написано в то время, когда он был до глубины души потрясен разгулом религиозного фанатизма, рядом юридических убийств

на религиозной почве. Вольтер, по его собственным словам, считал неприличным допустить на свои уста улыбку, пока он не добьется реабилитации жертв этих «религиозных» процессов — Каласа, Сирвена, де ла Барра. Ему было не до деликатности в его рискованной борьбе с сильным и опасным врагом, на глазах у всего народа предававшим мучительной казни невинных людей по ложному обвинению в преступлениях против веры.

Как бы то ни было, освобождающее действие критики Вольтера несомненно. Признание священного писания человеческим творением, подлежащим свободной научной критике, было крупным шагом вперед в борьбе за право разума. Но неувядающее значение произведениям Вольтера, направленным против католицизма, придают не рассуждения о возникновении и характере религиозной литературы, а проникающая их ненависть к злу и насилию, прикрываемым и освящаемым религиозными предрассудками. Когда мы читаем антирелигиозные рассказы и диалоги Вольтера, нам трудно полностью оценить — почти два столетия спустя — силу революционизирующего действия этих изящных образцов художественной прозы.

Борьба Вольтера против религиозных суеверий и предрассудков — борьба, к которой в течение десятилетий было приковано внимание всех передовых людей его времени, — имела совершенно исключительное значение для дела освобождения человеческой мысли от устарелого строя идей, всеми мерами защищавшего свой былой авторитет. Эта борьба имела также большое значение для подготовки освобождения человечества от устарелого, но упорно отстаивавшего свое господство строя общественных отношений. Она разрушала идеологическую основу феодально-абсолютистского порядка — христианское вероучение, она расшатывала одну из самых мощных его организаций — католическую церковь. Но Вольтер вошел в историю освободительного идейного движения XVIII в. не только как критик религии и церкви. Он принимал также активное участие в разработке политической идеологии приближающейся революции, хотя в этой области его влияние никогда не было так велико, как влияние Монтескье и Руссо. Однако его не следует и преуменьшать. Конечно, Вольтер не оставил нам ни одного труда, подобного «Духу Законов» или «Общественному договору»; его замечания по социальным и политическим вопросам разбросаны в различных его произведениях попеременно с рассуждениями о других сюжетах; зачастую эти замечания, в силу тех или иных условий, отражают взгляды Вольтера лишь частично или в смягченном виде и стоят в очевидном противоречии с другими его заявлениями по тем же вопросам. И тем не менее памфлеты, повести и диалоги Вольтера были немаловажными каналами распространения новых политических идей.

Наиболее характерной формой социально-политической критики и пропаганды новых социально-политических идей являлась в XVIII в. теория естественного права. Вольтер также пользуется этой формой для обоснования своих взглядов на общество и государство. Естественные законы — по Вольтеру — это законы, которые дает человечеству природа для поддержания справедливости. Такие законы в то же время соответствуют человеческим интересам и разуму. В «Диалоге А, В и С» один из собеседников спрашивает: «Значит, естественного закона не существует?» — и второй, выражающий обычно мысли автора, отвечает: «несомненно существует; это — интерес и разум»¹. В другом месте того же диалога Вольтер называет естественным правом свободу; в «Республиканских идеях» он говорит о естественном равенстве; не раз встречается у него упоминание о том, что «законы природы» установлены самим богом и потому неприкосновенны. Чем ближе к этим естествен-

¹ Oeuvres, XXXVI, 1784, p. 239.

ным законам условные законы, тем более сносна жизнь в государстве. «Быть свободным, иметь вокруг себя только равных,— такова,— говорит Вольтер,— истинная жизнь, естественная жизнь человека; всякая другая жизнь — недостойное хитросплетение, плохая комедия, в которой один играет роль господина, другой раба...»¹.

Мы находим у Вольтера одну из интереснейших характеристик,— весьма сочувственную,— «естественного человека», получившего воспитание среди дикарей². Тем не менее он решительно отвергает связанную с теорией естественного права идеализацию первобытного состояния. Не верно, утверждает он, что дикари живут под властью естественного закона. Наоборот, дикари искажают природу, а культурные люди ей следуют. Прогресс — закон природы. Инстинкты и рассудок, данные природой, толкают нас вперед, научают искать благосостояния на путях взаимной помощи. Следовательно, чем больше развиты искусства, чем лучше законы, чем более обеспечена собственность, тем больше соблюдаются естественные законы. Пчела, которая не собирает меда, курица, которая не несет яиц, нарушают естественный закон. Точно так же нарушает естественный закон изолированный дикарь («если только он существует, в чем я сильно сомневаюсь»,— добавляет Вольтер). Дикий бразильянец — вовсе не естественный человек,— это животное, которое еще не полностью развило свои свойства, куколка, которая станет бабочкой лишь через несколько лет³.

Вольтер склонен думать, что начальной формой государства является республика, возникающая из соединения семей. Это — естественный ход развития. Не случайно, что европейцы, приехав в Америку, нашли там почти везде республики (?). То же мы видим в Африке; то же было в древнем мире. Монархия возникает из насилия и грабежа (хотя, оговаривается Вольтер, республики тоже этим занимались). Представим себе два живущих рядом небольших народа. Пока они живут спокойно, в их среде царит равенство, данное природой. Но между соседями всегда есть основание для столкновений. Когда один народец нападает на другой, в нем обязательно выделяется в качестве руководителя более сильный и более ловкий. Покорение врага ведет в стане победителей к ссорам из-за добычи. Вождь на войне естественно становится также судьей между своими соплеменниками. Его начинают считать великим человеком и начинают ему повиноваться. Так вырастает монархическая власть⁴.

Вольтер, таким образом, не разделяет теории общественного договора. Власть могут давать, по его мнению, либо соглашение, либо сила. Исторически общество возникло не из соглашения, а из силы. Но истинное право может основываться только на свободном соглашении. Основными законами в точном смысле являются законы природы, установленные самим богом. Однако обычно основными законами называют старинные обычаи и предрассудки, которые никак нельзя считать неприкосновенными. Как и все условные законы, такие законы созданы людьми и другие люди вправе их изменить. История знает не мало таких перемен. Карл XII правил деспотично, а его преемники имеют не больше власти, чем короли Польши.

Вольтер оспаривает учение Монтескье о движущих силах общества при разных формах правления (добродетель — в республике, честь — в монархии, страх — в деспотии). Эти силы действуют везде. Но основным двигателем человеческих действий при всех формах правления являются интересы. За исключением редких моментов энтузиазма, наше поведение определяется интересом нашего самосохранения, нашего

¹ Oeuvres, XXXVI, p. 262.

² «Простак», 1767 г.— Сочинения Вольтера (русск. изд.), 1938, стр. 204 и сл.

³ Oeuvres, XXXVI, p. 269—271.

⁴ Ibid., p. 256—257.

благополучия, наших удовольствий, нашей репутации и т. д.¹ В каждой стране тот или иной из этих интересов господствует над другими. Так, например, в Англии господствующим интересом является обеспечение прав гражданина. Всякая власть стремится использовать интересы в своих целях. С другой стороны, интересы определяют отношения граждан к той или иной власти, их мнения. Так, министр всегда предпочтет абсолютизм, барон пожелает, чтобы бароны участвовали в законодательстве, земледелец захочет, чтобы его тоже не забыли². Когда один из собеседников в «Диалоге А, В и С» заявляет, что он любит аристократию и что народ недостойн управлять, другой иронически ему отвечает: «вы — богатый сеньор, и я одобряю ваш образ мыслей; вы были бы за турецкое правление, если бы были императором в Константинополе»³. Следует признать, что учение Вольтера об обществе выгодно отличается своими реалистическими чертами от большинства общественных теорий XVIII в.

Наиболее справедливым общественным порядком Вольтер считает такой, в основе которого лежат свобода и собственность. К этим принципам он присоединяет иногда третий — равенство.

В определении свободы Вольтер очень близок к Монтескье. «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». Свободу Вольтер неустанно проповедует и защищает во всех ее формах и проявлениях. Прежде всего это — личная свобода. Рабство — противно природе. Вольтер не может говорить без негодования о том, что в христианском государстве, каким является Франция, есть еще углы, где сохранился серваж. Он тратит немало энергии (впрочем, безрезультатно), чтобы добиться освобождения крепостных одного монастыря, расположенного недалеко от его местожительства. Затем — свобода слова и печати, в которой Вольтер видит гарантию всех других свобод, — вид свободы, в котором Вольтер кровно заинтересован. Далее — свобода совести, логическая антитеза католической нетерпимости, столь ненавистной Вольтеру. Наконец — свобода труда, право каждого «продавать свой труд» тому, кто дает за него наибольшую плату, — ибо «труд есть собственность тех, кто не имеет собственности». Народ, утрачивая свободу, утрачивает и способность оказывать сопротивление врагу. Почему, спрашивает Вольтер, галлы, десять лет боровшиеся с Цезарем, не смогли ни на один день задержать вторгшихся в страну франков? — Потому что во времена Цезаря они были свободны, а ко времени нашествия франков они прожили уже 500 лет в порабощении.

Равенство в учении Вольтера — формальное гражданское равенство, а отнюдь не равенство имущественное. Лучшее правление, — говорит он, — есть то, в котором люди всех состояний находят равное покровительство в законах. «Естественные права принадлежат в равной степени султану и бостанджи, один и другой должны с равным правом располагать своей персоной, своими семьями, своим имуществом. Люди равны, следовательно, в существенном»⁴. Однако равенство — не есть упразднение субординации. Мы все в равной степени люди, но мы не равны, как члены общества, мы играем в обществе разную роль. Вольтер в своем толковании равенства не выходит за рамки буржуазного общества. «В нашем несчастном мире», — говорит он, — невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: один класс богатых, которые распоряжаются, другой класс бедных, которые служат⁵. Это классовое деление общества вытекает, по мнению Вольтера, из природы вещей. «Если бы наша земля была такой, какой ей,

¹ *Pensées sur l'administration publique*. Oeuvres, XXIX, 1784, p. 31.

² *Ibid.*, p. 25—26.

³ Oeuvres, XXXVI, p. 263.

⁴ Oeuvres, XXIX, p. 25.

⁵ Dictionnaire philosophique, art. Egalité.

как кажется, следовало бы быть, если бы человек находил на ней повсеместно с легкостью обеспеченные средства существования, ... ясно, что было бы невозможно одному человеку поработить другого и, наоборот, при существующих на земле условиях, при существующей природе человека с его страстью к господству, богатству и к удовольствиям — совершенно невозможно установление фактического равенства. «Человеческий род, такой каков он есть, не сможет существовать, если не будет бесконечного числа полезных людей, ничем не обладающих. Ибо человек жадиточный, конечно, не бросит своей земли, чтобы притти обрабатывать вашу, и если вам нужна пара ботинок, вам не станет их делать *maitre des requêtes*. Следовательно, равенство есть в одно и то же время и самая естественная и самая химерическая вещь». Отрицая, таким образом, возможность имущественного равенства, Вольтер резко осуждает социальное неравенство феодального общества, привилегии дворянства и сеньёрские права. Он полемизирует с Монтескье, считающим, что монархия не может существовать без дворянства. Зачем нужен, спрашивает Вольтер, этот корпус наследственно-привилегированных? Это — лишнее бремя для народа. Лучше выискивать способных людей во всех сословиях, чем поддерживать в знати остатки гордости, связанные с их былой независимостью, поощрять воспоминания о феодальной анархии. Монтескье сам признает естественную невежественность дворянства. Зачем же таких людей поднимать над прочими гражданами? ¹ Все остатки феодальных прав должны быть уничтожены. Не надо изъятий, привилегий, генеалогий.

Наконец, собственность для Вольтера — необходимый признак полноправного гражданина. Только собственники имеют право голоса в вопросах общественного блага. Те, у кого нет дома и земли, не в большей степени имеют право голоса, чем приказчик в управлении торговыми делами их хозяев ². Всякое покушение подорвать авторитет права собственности вызывает в Вольтере настоящую ярость. В одном из своих диалогов Вольтер приводит цитату из одной «известной в свое время высокопарной речи». Это — знаменитый отрывок из Руссо о первом, кто огородил участок земли и тем положил основание гражданскому обществу. Отрывок оканчивается словами: «берегитесь, не слушайте этого обманщика; вы погибли, если вы забудете, что плоды принадлежат всем, а земля — никому». «Эту нелепость, — говорит один из собеседников, — написал, очевидно, какой-то вор с большой дороги, захотевший состричь». — «Я подозреваю, — отвечает другой, — что это просто ленивый бездельник: вместо того, чтобы позорить своего умного и трудолюбивого соседа, нужно было лишь подражать ему... Автор этого отрывка мне представляется весьма необщественным животным» ³.

В своем отношении к свободе, равенству и собственности Вольтер является бесспорным вдохновителем авторов Декларации Прав 1879 г., деятелей Учредительного Собрания, глашатаем идущей к власти буржуазии. Оценка этой части идейного наследия Вольтера не вызывает никаких разногласий. Как это ни странно, до сих пор еще не вполне ясен другой, казалось бы, весьма простой вопрос: какое место занимают в политической философии Вольтера абсолютизм, конституционная монархия и республика.

Различные этапы в развитии буржуазной идеологии, внутренние противоречия этого процесса нашли свое отражение в возникновении во Франции XVIII в. ряда существенно отличающихся друг от друга направлений социально-политической мысли. Вплоть до 70-х годов XVIII в. значительным авторитетом и влиянием пользовалось течение

¹ *Commentaire sur l'Esprit des lois. Oeuvres*, XXIX, pp. 355—357.

² «*Idées républicaines*», — *Oeuvres*, XXIX, p. 203.

³ *Oeuvres*, XXXVI, pp. 250—251.

политической мысли, лозунгом которого был «просвещенный абсолютизм». Теоретики этого течения требовали «прогрессивных реформ», осуществления «естественных» законов, устранения «узурпаций» и «вольностей» феодального дворянства. Осуществление этих реформ они возлагали на «просвещенного монарха», королевскую власть они считали издавна враждебной феодализму, издавна связанной с третьим сословием: ведь именно короли освободили сервов и оттеснили «чудовищный феодальный режим». Параллельно пропаганде «просвещенного абсолютизма», иногда своеобразно сплетаясь с ней, шла пропаганда ограничения королевской власти народным представительством, обещивающим гражданскую и политическую свободу, пропаганда «английских порядков» как наиболее желательного компромисса между старым феодально-абсолютистским вопросом и требованиями растущего в его недрах буржуазного общества. Сторонники этого течения в своем отношении к старому господствующему классу были зачастую более умерены и терпимы, чем иные защитники «просвещенного абсолютизма». В своем учении о народном представительстве они были — в большинстве — весьма далеки от демократии. Наконец, во второй половине XVIII в. крепнет влияние республиканских и демократических идей, но их пропаганда вплоть до самого начала революции проходит, за немногими исключениями, в тщательно завуалированной форме.

Не подлежит сомнению, что Вольтер, отрицая идею «божественного происхождения» монархии, считая первых монархов — в том числе первых франкских королей — жестокими вождями варварских народов, тем не менее весьма высоко оценивал исторические заслуги абсолютизма в деле борьбы с ненавистной ему «феодальной анархией». Его «Генриада» немало содействовала популяризации во французском буржуазном обществе имени Генриха IV, как короля, воплотившего в себе лучшие черты просвещенного монарха. И в более поздние годы своей деятельности Вольтер не раз высказывал ту мысль, что необходимые для общества реформы осуществит государь, проникшийся философскими идеями. «Самое счастливое для людей, — заявлял он, — когда государь философ». «Добрый король есть лучший подарок, какой небо может дать земле»¹. От государя-философа Вольтер ожидал покровительства просвещению и просветителям, борьбы с суеверием и нетерпимостью, ликвидации серважа и других пережитков феодализма, содействия экономическому прогрессу. В течение некоторого времени таким государем-философом он считал Фридриха II. Он идеализировал внутреннюю политику Екатерины II, видя в ней образец просвещенного реформаторства. Он горячо и искренне восхвалял деятельность Тюрго, ожидая от нее значительно больших результатов, чем она могла дать в условиях абсолютизма. Все это — и многое другое — дает, казалось бы, достаточно оснований признать Вольтера сторонником «просвещенного абсолютизма».

С другой стороны, Вольтер уже в «Философских письмах» выражает величайшее уважение к английской конституции. Он сравнивает Англию с Римом: и тут, и там происходили гражданские войны; но результатом их в Риме было рабство, а в Англии свобода. «Английская нация — единственная нация на земле, которой удалось, оказывая противодействие королям, урегулировать королевскую власть, единственная нация, которая путем ряда усилий установила наконец разумное правление, где у государя, всемогущего в добре, связаны руки, чтобы делать зло... и где народ участвует во власти без беспорядка». Чтобы установить свободу, в Англии было пролито море крови. «Но англичане не считают, что они дорого заплатили за свои хорошие законы. Другие нации имели не меньше смут, пролили не меньше крови,

¹ Oeuvres, XXIX, p. 424 и др.

чем англичане; но эта кровь, которую они проливали за дело свободы, только закрепила их рабство»¹. Некоторые исследователи выражали удивление по поводу того, что Вольтер так мало говорит об английской конституции в «Философских письмах», и видели в этом доказательство того, что он мало интересовался вопросом об ограничении королевской власти. Мне кажется, что в приведенном отрывке надо поражаться не тем, что в нем сказано будто бы так мало, а тем, что вопрос поставлен в нем с такой рискованной для начала XVIII в. остротой.

К английской конституции мысль Вольтера обращалась неоднократно. В «Диалоге А, В и С» англичанин говорит: «Наилучшие законы в Англии: правосудие, отсутствие произвола, ответственность должностных лиц за нарушение свободы граждан, право каждого высказывать свое мнение устно и письменно. Две партии следят одна за другой и оспаривают честь охраны общественной свободы». На это другой собеседник отвечает: «Не давайте же разрушить этот памятник, который нам так дорого стоил. Человек рожден свободным. Лучшее правление то, которое по возможности сохраняет за каждым этот дар природы»². В «Мыслях об общественной администрации» (1753 г.) Вольтер выражает надежду, что в результате реформ, осуществленных добрым монархом, английская система распространится в других странах и «общины станут в них частью правительства»³. Реформы «просвещенного абсолютизма» являются здесь, таким образом, как бы мостом от неограниченной монархии к ограниченной. А если доброго монарха не найдется и мирный переход к ограниченной монархии не осуществится? «Следует думать,— отвечает Вольтер на этот вопрос в «Философском словаре»,— что все государства, которые не основаны на этих принципах, испытают революции»⁴.

Для скептического отношения к этим вольтеровским заявлениям нет, мне кажется, никаких оснований. Идеализация английской конституции является законным логическим завершением всей системы социально-политических взглядов Вольтера, великолепно с ними гармонирует. Весьма возможно, что в первые годы своей деятельности Вольтер — в полном соответствии с настроениями своей социальной среды в начале XVIII в., — считал монархию единственно возможной для Франции формой правления. Если он задумывался о реформах, то эти реформы он считал вполне осуществимыми в рамках абсолютизма, его политическая мысль не шла дальше «добротого короля». Но он политически рос вместе с представляемым им классом. Оформлению новой политической концепции — концепции конституционной монархии — помогло пребывание в Англии. Однако, перейдя на позиции конституционализма, Вольтер — опять-таки в полном соответствии со своей средой — никак не мог еще принять мысль о неизбежности революции. Он мечтал о мирной политической эволюции вопреки известному ему опыту Англии. А для этого требовалось освоение новых идей представителями абсолютизма, нужен был «просвещенный абсолютизм». Так «добрый король» сохранил свое место в сознании Вольтера рядом с английской конституцией.

К 1760-м годам, к периоду «Философского Словаря» у Вольтера, как мы видим, возникают уже некоторые сомнения в мирной политической эволюции европейских стран. Интересно, что к этому же времени в его произведениях, — отнюдь не вытесняя полностью восхваления английских порядков, — все более определенно начинают звучать республикан-

¹ *Lettres philosophiques*, ed. Lanson, I, pp. 89—90.

² *Oeuvres*, XXXVI, pp. 311—315.

³ *Oeuvres*, XXIX, pp. 24—25.

⁴ *Dictionnaire philosophique*, art. Gouvernement.

ские тона. Мы уже знаем, что республику Вольтер считает в эти годы первичной, естественно возникающей формой государства. Совершенных правлений, утверждает он, не существует, ибо у людей есть страсти. А если бы страстей не было, то не нужно было бы совсем правительства. Из всех форм правления наиболее терпимая — республика. Республиканский строй — строй естественный и разумный. В республике управление — воля всех, выполняемая одними или несколькими, на основе законов, вынесенных всеми. Республика более всего приближает людей к естественному равенству. С другой стороны, республика лучше обеспечивает свободу. В республике люди чувствуют себя увереннее в своей собственности и в своих правах. Поэтому, народ в ней богаче. Республиканец всегда больше привязан к своей родине; люди больше любят свое добро, чем добро своего хозяина. Нидерланды быстро разбогатели, прогнав испанского короля¹.

Если Вольтер и теперь иногда повторяет старые лозунги «доброго короля» (например в 1777 г. в «*Commentaire sur l'Esprit des lois*»²), то, с другой стороны, у него можно найти резко противоречащие этим лозунгам заявления, что только короли предпочитают королевскую власть другим формам правления. Если недавно он утверждал, что естественно любить династию, которая правит около 800 лет, то теперь он с особым вкусом подчеркивает, что основатели династии — воры, которые, обманув народ, заставили себе воздвигнуть алтари и тем добились, чтобы поработенный народ видел в них и в их потомках расу богов. Вряд ли следует придавать серьезное значение монархическим заявлениям Вольтера в этот период. Не надо забывать, что очень часто Вольтер считал нужным прикрывать лояльными фразами революционную сущность своей пропаганды. Он стремился «попадать в цель, но не выдавать себя». «Я горячий приверженец истины, — говорил он, — но не приверженец мученичества». Повидимому, в последний раз его монархические настроения временно оживились в связи с реформаторскими попытками Тюрго; падение Тюрго, глубоко потрясшее Вольтера, нанесло им последний удар.

¹ *Pensées sur l'administration publique, Oeuvres. XXIX, pp. 26, 31; «Idées républicaines», ibid., p. 209.*

² *Ibid., p. 424.*

Чл.-корр. АН СССР Е. А. КОСМИНСКИЙ

ВОЛЬТЕР И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА¹

Этапы в истории научной мысли не укладываются в рамки столетий. И все же у каждого столетия есть своя характеристика, или, правильнее, своя репутация, иногда не вполне заслуженная. XVII в. часто называют «веком Эрудиции». За XVIII в. прочно утвердилось название «века Просвещения». «Век Просвещения» пользуется незаслуженной репутацией «неисторичного» и даже «антиисторичного» века в противоположность «историзму» XIX в. А между тем именно в XVIII в. складываются основы буржуазной исторической науки и прогрессивная буржуазная наука XIX в. лишь осуществляет программу, созданную «веком Просвещения». И главная заслуга в деле создания новой исторической науки принадлежит тому гениальному человеку, в котором всего ярче выразились главные черты «века Просвещения», — Вольтеру.

«Век Эрудиции» оставил «веку Просвещения» объемистое наследие, заключенное в бесчисленных фолиантах, приводивших в ужас Вольтера. Вольтер говорил, что по одной истории Франции написано 20 000 трудов, причем большинство из них — многотомные, так что самый прилежный человек не сможет прочесть их даже если он проживет сто лет. Это тяжеловесное создание бенедиктинско-иезуитско-академической учености заключало огромные массы материалов, подобранных в хронологическом порядке. Оно заключало увесистые томы очень добросовестно составленных справочников и словарей. Оно заключало, наконец, целые вспомогательные исторические дисциплины, возникшие в процессе огромной собирательской работы, — дипломатику, палеографию, хронологию, историческую географию. «Эрудиты» установили правила, по которым можно было безошибочно отличить подлинную рукопись от подложной, точно ее датировать, но все это была не история. Мастера критики рукописей, «эрудиты», были бессильны в критике исторических источников и принимали на веру невероятнейшие происшествия, если они были засвидетельствованы подлинными старинными рукописями. Да и целью их было не критиковать, а сохранять и укреплять традицию. Не ради чистой «эрудиции» создавались церковью большие «научные» организации, вроде конгрегации мавристов или общества болландистов, не для этого короли и министры учреждали академии, не для этого был затрачен колоссальный труд. Эта работа, по крайней мере ее большая часть, велась *ad maiorem gloriam ecclesiae* и еще следовало бы добавить *ad maiorem gloriam regis*. Не даром французские короли щедро субсидировали эти предприятия.

Весь этот пышный расцвет эрудиции тесно связан с католицизмом и абсолютизмом, с последней яркой вспышкой феодальной культуры накануне ее угасания. Это — своего рода завещание феодальной эпохи.

¹ Доклад, прочитанный на объединенном заседании Отделений истории и философии и литературы и языка АН СССР 27 ноября 1944 г.

Ученые монахи и академики тщательно собирают, систематизируют, каталогизируют, расставляют по полкам бесчисленные материалы, накопившиеся за тысячелетие феодальной культуры. Они приводят в порядок феодальный архив в тот момент, когда история уже готовится сдать в архив их самих.

Но разве «век Эрудиции» оставил только груды материалов? Разве не было попыток обобщить эти материалы, дать цельное построение истории, связанное общей идеей? Конечно, в таких попытках недостатка не было. Католицизм и абсолютизм оставили в своем завещании последующей эпохе книжку Боссюэ «Discours sur l'histoire universelle» — всемирную историю от сотворения мира до Карла Великого. В ней чисто теологическое мировоззрение средневековья слегка подправлено модными идеями века — теориями естественного права и общественного договора. Вся книга направлена к прославлению церкви и монархии. Монархия — опора церкви и церковь — опора монархии. Монарх — представитель бога на земле. Боссюэ дает свою теорию преемства империи. Императорская власть древнего Рима перешла в 800-м году к Карлу Великому, а от него не к императорам Священной Римской империи, как учила старая теория четырех монархий, а к французским королям. Вся история человечества представлена как выполнение божественного плана. В истории не может быть случайностей, ибо все вытекает из этого плана. Именно этот высший план вносит в историю «закономерность»... Такого рода «закономерность» заранее исключает возможность научного объяснения истории. В действительности никакой закономерности мы у Боссюэ не находим, книжка его представляет напыщенное и некритическое изложение библейской, античной и летописной средневековой традиции.

Таково завещание, оставленное «веком Эрудиции» в классической стране феодального абсолютизма — во Франции. Но XVII век оставил и другое наследие, идущее от совсем еще молодой буржуазной науки передовых стран Европы, только что переживших буржуазные революции, — Голландии и Англии. Здесь мы видим смелые — слишком смелые — попытки создать новую науку об обществе наподобие естественных наук, наподобие физики или, вернее, механики, науку, которую можно было бы свести к простейшим математическим формулам и построить дедуктивно, как строится геометрия. Огромные успехи математики, позволившие Ньютону построить *Principia mathematica philosophiae naturalis*, казалось, позволяли построить такие же *Principia philosophiae civilis*.

Юная буржуазная наука приступает к своей задаче с большой смелостью. Она разлагает человеческое общество на атомы — на равные друг другу человеческие индивиды. Здесь научная мысль декларирует то, что совершалось развитием нового буржуазного общества, разрывавшим прежние общественные связи, прежнюю иерархию, разлагавшим сословное феодальное общество, вносявшим начала индивидуализма. Общественный атом, индивид наделялся простыми свойствами. Человеческие атомы либо взаимно притягиваются, либо отталкиваются, их свойством является либо стремление к общению, как думал Гроций, либо борьба, как думал Гоббс. Строение общества очень просто, надо только найти его составляющие элементы, определить их отношение друг к другу, и тогда можно путем дедукции создать учение о человеческом обществе. На основе этого учения можно и управлять человеческим обществом и определить лучшие его формы. Для этого нет необходимости утруждать себя изучением того, что называли историей. Философы и юристы, создававшие новую теорию, с презрением смотре-

ли на это нагромождение фактов, нанизанных случайно, без общей мысли и общего закона. История представлялась им бессмысленной путаницей, в которой нельзя отличить истину от лжи, нельзя найти общую ведущую линию. Гоббс исключал историю из области научного знания, видя в ней только хаотическое собрание эмпирических фактов.

С одной стороны, хаотическое накопление исторических материалов, с другой — механистическое построение общественной науки, с презрением отворачивающейся от этого накопления, но по существу бессильное преодолеть этот хаос и найти в нем внутренние закономерности, — таковы итоги работы мысли над историческими проблемами в XVII в. Результатом этого противоречия нередко является скептицизм, полная потеря надежды на какую-либо возможность познать прошлое.

В этом отношении особый интерес представляет знаменитый «Исторический и критический словарь» Бейля (начал выходить в 1696 г.). Бейль не отворачивается от исторических материалов — он в них необычайно начитан — но он не может найти в них ничего достоверного. Сведения о каждом событии, о каждом историческом лице слишком скудны, неясны, противоречивы. Чем больше изучать источники, тем запутаннее делается любой вопрос. В конце концов Бейль начинает иронизировать и над источниками, и над людьми, и над событиями, в которых он не может найти никакого общего смысла. Ему доставляет удовольствие развенчивать признанных героев истории и показывать руководившие ими низменные мотивы. Это еще более подчеркивает впечатление разочарования и безнадежности в истории. Результатом скепсиса, которым проникнута вся работа Бейля, является глубокий пессимизм. Преодолеть этот скепсис, осмыслить всю эту хаотическую грудку фактов, построить научную или, как тогда говорили, «философскую» историю, — вот та грандиозная задача, которая стояла перед «веком Просвещения». И эта задача была им выполнена, и выполнена прежде всего Вольтером.

Вольтер не был профессиональным историком. Исторические труды не составляют главной части его колоссальной просветительской работы. Но и то, что он сделал в области истории, поистине огромно и изумительно.

Назовем его важнейшие работы. Одним из самых ранних его исторических произведений была «История Карла XII» — занимательно написанная биография короля-авантюриста. В этой случайной работе не сказались еще отличительные черты Вольтера-историка. Вторым крупным историческим произведением Вольтера был «Век Людовика XIV» (1739). (Второе, совершенно переработанное его издание вышло в Париже в 1752 г.) В этом труде, который многие называют лучшим из исторических трудов Вольтера, его талант историка развернулся вполне. Третьим и, пожалуй, главным историческим трудом Вольтера является его знаменитый «Опыт о нравах и духе наций и о главных исторических событиях», который выходил частями, охватывая время от Карла Великого до Людовика XIII. К нему было присоединено введение под заглавием «Философия истории от древнейших времен до Карла Великого». Вместе с «Веком Людовика XIV» и «Веком Людовика XV» этот труд составил всемирную историю от древнейших времен до начала царствования Людовика XVI. Сюда надо добавить еще «Историю России», точнее историю Петра Великого, злую «Историю Парижского парламента», который Вольтер ненавидел как главного гонителя свободной мысли во Франции, сухую, совсем не вольтеровскую «Летопись Империи», написанную по заказу герцогини Саксен-Готской, и необозримое число статей, полемических заметок, критических этюдов, писем, посвященных всевозможным историческим вопро-

сам. Вольтер редко говорит об использованных им источниках и литературе. Но начитанность его в области истории поистине колоссальна.

К Вольтеру больше, чем к кому бы то ни было из предшественников его времени, приложимо название «просветителя». Его историческая работа — лишь часть его просветительской деятельности. От философов XVII в. и от скептика Бейля его отличает убеждение в глубокой ценности истории именно для целей политической и философской пропаганды. В истории он ищет самых сильных доводов для нападения на угнетение и несправедливость феодального строя, и особенно для обличения всевозможных глупостей, жестокостей, суеверий церкви и эксплуатации ею народного невежества.

Перед Вольтером стояли две задачи. Первой из них было проложить путь через необозримый хаос фактов, оставленный «веком Эрудитии». Ученая подруга Вольтера маркиза Дю Шатле чувствовала отвращение к истории. «Я никогда не могла окончить — говорила она, — ни одной истории новых народов. Я встречаю в ней лишь путаницу событий, массу мелких фактов без последовательности и связи, тысячи битв, которые ничего не решают... Я отказываюсь от этого изучения столь же сухого, как и обширного, которое утомляет ум, не просвещая его...» Нужно было найти принципы, на основании которых можно было бы отделить главное от второстепенного и написать «философскую историю».

Другой задачей было отделить правду от выдумки (*la fable*), которой были переполнены исторические источники; перед этой задачей оказались совершенно бессильными «эрудиты» XVII в.

Какие же вопросы интересуют в первую очередь молодую буржуазную мысль? Чего она ищет в историческом материале?

«Цель моего труда, — пишет Вольтер, — не в том, чтобы показать, что такой-то не стоящий внимания государь следовал за таким-то правителем-варваром. Нужно изучать дух, нравы, обычаи народов». Вольтер набрасывает широкую программу истории культуры. В нее входит история открытий в области науки, развитие техники, история искусства, история культурных заимствований; его интересует история экономического развития народов, особенно история торговли и финансов, история военного и морского дела и, наконец, то, что в XIX в. стали называть «социальной историей». Все это «имеет в тысячу раз большую цену, чем вся масса летописей двора и все рассказы о военных кампаниях». Оставляя в стороне обычное хронологическое распределение материала, он вводит в «Веке Людовика XIV» тематическое его распределение. В оглавлении этого труда мы видим такие темы, как «Внутреннее управление, юстиция, торговля. Полиция, законы, военное дело, флот. Финансы. Науки, искусства. Церковные дела, кальвинизм, янсенизм, пиетизм». В «Опыте о нравах и духе народов» Вольтер наряду с прогрессом знаний и техники, внутренним устройством государств, их финансами, нравами и обычаями народов, интересуется вопросами экономики и «социальной историей» — историей общественных классов: крестьян, горожан, феодалов, духовенства.

Новый подход к историческому материалу дал Вольтеру возможность набросать широчайшую картину истории человечества. В своем «Опыте» Вольтер отказывается от обычного европоцентризма и стремится охватить историю всех народов мира. Европа занимает в его труде главное место, потому что он лучше знает Европу и у него здесь больше материалов, а не потому, что он ей отдает предпочтение. Нередко используя сравнительный метод, сопоставляя внеевропейские народы с европейскими, он делает это сравнение не в пользу

европейцев. Один из первых он показал, как много дали арабы для европейской культуры.

Перед Вольтером стояла и вторая задача — недостаточно было только наметить план работы, указать те вопросы, которые она должна разрешить. Отбор фактов и распределение их по темам должны были сопровождаться отделением правды от лжи, достоверного от того моря «выдумок», которыми заполняли историю все историки «пока философия не стала просвещать людей». Главная сила Вольтера, как историка и как просветителя, та сила, которая приковывает нас к его страницам несмотря на то, что наука уже далеко ушла от его построений, заключается прежде всего в его сокрушающей критике. Вольтер видит свое призвание в том, чтобы построить новую, еще небывалую историю и для этого разбить всю старую традицию. Стремительным ураганом пронесется он по всей традиционной истории, не оставляя в ней камня на камне. Библия представляется ему собранием нелепостей и ужасов, произведением фанатизма и мании величия ничтожного народа. Полному разгрому подвергается историческая традиция греков и римлян. Впрочем, здесь у Вольтера были предшественники, например Бофор («Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire romaine», 1738). До Геродота у греков, до Пунических войн у римлян не было настоящей истории. Все, что относится к более раннему периоду, исполнено неправдоподобных мифов. Ранняя история у Тита Ливия полна невероятностей и противоречий. Но и более поздняя история подверглась грубому искажению. Тацит в «Германии» рассказывает морализующие сказки в поучение римлянам. Тот же Тацит и Светоний передают нелепые и недостоверные сплетни об императорах. Все сведения о раннем христианстве — грубая подделка. Происхождение христианства теряется во мраке, несомненно лишь невежество, фанатизм и сервиллизм ранних писателей, списывавших у первого обманщика. Григорий Турский и другие варварские монахи-летописцы передают неправдоподобные басни и, что хуже всего, скучные басни. Они превозносят дурных государей, которые дарили им земли, и порицают хороших, от которых не получали ничего. Католическая церковь расплодила множество фальшивых документов, принимавшихся доверчивыми или корыстными историками за истину. Вольтер решительно не верит в беспристрастие средневековых хронистов, находившихся во власти невежества и корыстных интересов. Хорошо знакомый с литературными нравами своего времени он полагает, что таковы же были нравы историков в прошлом. Он ставит насмешливый вопрос о том, как бы писалась история Франции, если бы во время Столетней войны английским королям удалось утвердиться на французском троне. «Если бы преемники Генриха V удержали здание, воздвигнутое их отцом, если бы они были теперь королями Франции, то нашелся ли бы хоть один историк, который не подтвердил бы, что право на их стороне? Не посылали ли бы им папы буллу за буллой? Не объявили ли бы Салический закон химерой? Сколько бенедиктинцев стало бы представлять королю династии Генриха V старые грамоты в опровержение Салического закона! Сколько остроумцев стало бы над этим законом издеваться! Сколько проповедников стало бы превозносить до небес Генриха V, мстителя за убийство, освободителя Франции!» Мемуарная литература полна глупостей, непроверенных слухов и пристрастной лжи. Не лучше и ученые историки нового времени. Ученнейшие иезуиты Болланд, Папенбрук, бенедиктинцы, не краснея, передают самые невероятные вещи.

Вольтер требует строгой проверки каждого исторического факта,

каждого свидетельства исторических источников. В статье «Histoire», написанной для «Философского Словаря», он ставит вопрос о достоверности исторического знания. Вольтер полагает, что всякая достоверность, не доказанная математически, не есть достоверность в полном смысле этого слова, а лишь «крайняя вероятность». На большую достоверность история не может рассчитывать. Достоверность исторического факта должна быть подтверждена показаниями достаточного числа свидетелей. Но и этот критерий может быть недостаточным, если сообщаемый факт невероятен с точки зрения обычного и естественного хода вещей. «Кроме тех случаев,— ядовито замечает Вольтер,— когда он сообщается людьми, явно боговдохновенными, причем нет возможности сомневаться в их боговдохновенности». Как же определить вероятность факта? Здесь для Вольтера мерилom является здравый смысл. «Le puéril ne doit être cité, et l'absurde ne peut être cru»,— пишет он в «Веке Людовика XIV».

В конце концов достоверность исторических фактов определяется критическим чутьем историка, стоящего на высоте философского развития. Историю должны писать философы и для философов. В этих необходимых для историка качествах — в здравом смысле, критическом чутье и «философском», т. е. научном, взгляде на вещи — у Вольтера недостатка не было. Его огромный политический опыт, его знание государственных дел и деятелей, его поистине энциклопедические научные сведения изощряли его зрение историка-реалиста и критика.

Вольтер ставит перед собой задачу вымести из истории все, что противоречит научному пониманию и здравому смыслу, все те огромные кучи сора, которыми загромодила историю не критическая традиция как теологической, так и гуманистической школы, выбросить из нее божественный план, чудеса, легенды, мифы, хотя бы и рационалистически истолкованные, христианскую и патриотическую легенду, сорвать с традиционных героев неза заслуженные венки, разоблачить вековую ложь. Вся его историческая работа — непрерывный бой с установившимися авторитетами. Он устремляет на укоренившиеся в науке мнения весь свой арсенал универсальных знаний, огромного опыта, злого остроумия и оставляет после себя дымящиеся развалины старых твердынь.

Вольтер изгнал из истории божественное провидение, изгнал божественный план, изгнал чудесное. Что же он дал взамен? Если не бог определяет ход истории, то каковы ее действительные движущие силы?

Нередко указывают, что Вольтер не сумел дать ясный ответ на этот вопрос. Иногда кажется, что история представляется ему игрой случайностей. Такое впечатление рождается от его нередкой манеры объяснять великие события мелкими и случайными причинами. Он пишет, например, о крестовых походах: «Один паломник из Амьена поднял крестовые походы. Этот житель Пикардии, отправившись из Амьена на Восток, был причиной того, что Запад вооружился против Востока и что миллионы европейцев погибли в Азии. Так сцепляются между собой мировые события». Он так объясняет начало реформации: «Когда доминиканцам была отдана на откуп продажа индульгенций в Германии, августинцы, издавна пользовавшиеся этим правом, почувствовали зависть и этот ничтожный интерес монахов саксонского захолустья дал в результате более ста лет раздора, вражды и бедствий у тридцати наций». Но эта точка зрения не проводится последовательно, а выступает лишь изредка — да и какая «философская» история была бы возможна при последовательном ее применении? Скорее у Вольтера это полемический прием, направленный против теологической идеи о божественном провидении.

ственном плане, не оставляющем в истории места для случайностей, а также средство унизить крайне несимпатичные ему явления, как крестовые походы и реформация, указав на их ничтожные и низменные причины.

Указывают на то, что движущей силой истории у Вольтера является воля великих людей, особенно монархов, направляющая судьбы народов. Приведем цитату из «Опытов» о развитии России в XVIII в. «Поистине достойно восхищения, что один человек в двадцать лет изменил нравы, законы, дух самой обширной на земле монархии, и что все искусства явились толпой украшать пустыни. Женщина, не умевшая ни читать ни писать, довершила то, что было начато Петром Великим. Другая женщина еще более распространила эти благородные начинания. Еще одна императрица пошла дальше, чем две другие. Ее гений передан ее подданным. Дворцовые перевороты ни на миг не задержали прогресса и благоденствия империи... И по истечении полувека двор Скифии представил зрелище более высокого просвещения, чем Греция и Рим». Как и некоторые другие просветители, Вольтер не освободился от механистического представления философии XVII в. об обществе, как о совокупности человеческих атомов, которые могут подвергаться перемещениям и перестановкам по воле правителей. Это представление соединяется с теми надеждами, которые связывались в это время у верхушки французской буржуазии с «просвещенным абсолютизмом». Надо сказать, что вера в просвещенного монарха доставила Вольтеру немало разочарований. В истории очень немногих личностей, заслуживающих такого названия, и эпох, которые определяются их деятельностью. Людовик XIV представлялся сначала Вольтеру образцом «просвещенного монарха», так как он содействовал расцвету наук и искусств в своем государстве. Но уже во втором издании «Века» он отходит от этого представления. Он иронизирует над теми, кто только в расцвете искусств видит величие эпохи. Политика Людовика XIV и его вмешательство в религиозные раздоры привели к экономическому упадку Франции. В заключительной, несколько неожиданной, но вполне соответствующей главной мысли Вольтера, главе «Споры о китайских церемониях» в пример французскому королю ставится китайский император, который разрешил споры между иезуитскими и доминиканскими миссионерами тем, что выгнал из Китая и тех и других, как зачинщиков смут. Вольтер искренен, когда он говорит о деятельности Петра Великого. Но тон иронии начинает звучать уже в его словах о «женщине, не умевшей ни читать ни писать» и не случайна фраза о дворцовых переворотах. В гиперболических восхвалениях, которыми Вольтер осыпает монархов, среди которых были его «друзья» и покровители, чувствуется иногда презрительная насмешка...

Но все же у Вольтера нередко выступает наивно-механистическое представление о сознательной воле руководящих личностей, создающих или изменяющих основные элементы человеческого общества. Так, язык, по его мнению, был изобретен людьми «исключительного таланта», и им пришлось долго обучать этому искусству других. В религии для него решающую роль играет сознательный обман своекорыстных жрецов. Кто первый изобрел гадания и пророчества, спрашивает он, и отвечает: «Ce fut le premier fripon qui rencontra un imbécile» («это был первый мошенник, встретивший дурака»). Хитрость обманщиков и глупость масс — вот что лежит в основе религии. Поэтому вся область религиозных представлений, мифов остается для Вольтера совершенно непонятной. «Можно было бы написать на эту тему целые томы. Но эти томы можно свести к двум словам: человеческий род в своем большинстве очень долго был бессмыслен и глуп». Целые эпохи в жизни человечества кажутся ему сплошной глупостью. Это слово «глупость»

(«sottise») непрерывно повторяется в истории Византии, в истории английской революции Вольтер видит прежде всего нелепую религиозную распрю. Но это — не неумение понять, а непримиримая вражда, исключаяющая всякое желание понять врага. Здесь не беспристрастное историческое изучение, а беспощадная борьба с еще живым и сильным противником, борьба на уничтожение...

Но кроме механистических представлений об историческом развитии человека у Вольтера имеются и другие объяснения хода истории. Вольтер нередко подчеркивает то влияние, которое географические условия оказывают на судьбы народов, — мысль, которая гораздо подробнее была развита Монтескье, а до него Боденом. Он нередко говорит — даже в заглавии своего главного труда — о «духе» или «гении» народов, о заложенных в них особых свойствах, определяющих их историю, о «духе времени», который «производит важнейшие события». Он знает о большом значении экономики в жизни государства, он понимает органическую связь между отдельными сторонами общественной жизни. Большую роль в развитии человечества он приписывает прогрессу естественных наук и особенно техники. Говоря о переходе от первобытных орудий, камня и дубины, к более современным, он ссылается на «инстинкт механики», который также свойственен человеку, как «инстинкт морали». Этот инстинкт заложен в человеке богом — не христианским богом, конечно, а философским богом деистической религии Вольтера. Еще на один могучий инстинкт указывает Вольтер — это «amour de l'ordre» («любовь к порядку») или, точнее «инстинкт устройства», инстинкт, который спасает человечество среди всех исторических превращений — «один из природных мотивов, который всегда возвращается с новой силой». Среди этих неясных и порой противоречивых представлений все же можно уловить — хотя и облеченную в смутную идеалистическую форму — идею роста производительных сил.

Вольтера упрекают в том, что его взгляды на движущие силы истории отличаются неясностью и порой противоречивостью, что он избегает ставить основные проблемы методологии истории и ограничивается практическими решениями, неглубоким эмпиризмом. Но позволительно задать вопрос — разрешены ли эти вопросы буржуазной исторической наукой и далеко ли она ушла в своих решениях от Вольтера? Несомненно, у Вольтера имеется и идея органического развития человеческих обществ и идея прогрессивного развития человечества в целом. Идея «народного духа», легшая в основу «органических» теорий романтизма XIX в., имеется и у Вольтера, и в менее мистическом виде, чем у романтиков.

«Опыт» Вольтера рисует картину прогрессивного развития человечества. Но это прогрессивное развитие совершается с чрезвычайным трудом, преодолевая сильнейшие препятствия, в непрерывной и напряженной борьбе с глупостью, невежеством и насилием.

Вольтер начинает свое «философское» введение к «Опыту», свою «Философию истории» с геологических переворотов. Он не говорит о возникновении человека на земле. Но замечательна его мысль, что человек тысячи столетий провел в первобытном состоянии. Вольтер делает большой шаг вперед, отрицая досщественное состояние человека. «Человек в общем был всегда тем, что он есть теперь». Семья была первой ячейкой общества и естественный инстинкт семьи первой его спайкой. Древнейшей формой правления представляется ему теократия. «Теократия не только долго господствовала, но она довела тиранию до самых ужасных пределов, каких только может достигнуть человеческое безумие. И чем более это правление считало себя божественным, тем омерзительней оно было». Среди народов, неправильно называемых цивилизованными, только китайцы избегли этих странных нелепостей.

Вольтер дает беглый обзор истории народов древности. Он резко порывает с обычным трактованием этой истории, которой придерживается Боссюэ, объединяющий теологическую и гуманистическую традиции и выдвигающий на главное место библейскую и античную историю. История евреев для Вольтера — история маленького арабского племени. Вся она полна фанатизма, изуверства, жестокости. «Почти каждое человеческое событие в этой истории представляет верх ужаса. Все божественное, — издевается он, — выше наших слабых идей». Не щадит он и римлян, этот маленький разбойничий народ «un petit peuple des brigands». Этот народ отличают два свойства — разбой и любовь к отечеству. Впрочем, о последнем свойстве Вольтер замечает, что у римлян оно представляло «добродетель воров» — «la vertu des voleurs». Любить отечество у римлян значило убивать и грабить других людей. Но несомненным достоинством римлян была их религиозная терпимость.

К Греции Вольтер благосклоннее. Свобода мысли сделала греков самым умным народом в мире. Так, прибавляет он, и в наши дни английская нация стала самой просвещенной, потому что у англичан можно думать безнаказанно. Но в общем греческая философия показывает одновременно и величие и слабость человеческого духа, и ум, и глупость. Вольтер издевается над темнотой Платона. Читатели Локка не будут тратить времени на Платона, на *se galimatias de bon Platon*. Греки были так умны, что им было позволительно злоупотреблять своим умом.

Античный мир достиг сравнительно высокой ступени цивилизации. И все же он пал. Вольтер подробно останавливается на причинах его падения. Почему варвары разрушили Рим? Потому что они были сильнее и воинственнее, чем впавшие в изнеженность римляне. Но главная причина — это теологические споры и раздоры, взаимная ненависть старой и новой религии, многочисленное монашество, вытеснившее земледельцев и солдат. Все это дало легкую победу варварам, которые не могли победить республику, но победили монархический Рим, ослабевший при «жестоких, изнеженных и благочестивых императорах...»

Переход к средневековью рисуется Вольтеру как глубокое падение. «Двадцать варварских наречий сменили прекрасный латинский язык... Вместо мудрых законов — только варварские обычаи, вместо цирков и амфитеатров — хижины, покрытые соломой... Прекрасные дороги покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел и в умах — Григорий Турский и Фредегар — это наши Полибии и Титы Ливии. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий». Вся Европа коснеет в этом унижительном состоянии до XVI в. и освобождается от него лишь путем крайних усилий.

Излагая историю средневековой Европы, Вольтер не забывает стран ближнего и дальнего Востока: Персии, Турции, Индии, Китая, Японии, монголов, Абиссинии, Марокко. Историю крестовых походов он начинает с описания положения на Востоке. Великие географические открытия дают ему повод остановиться на цивилизации Америки до прихода европейцев. Первоначально, до прибавления вводной части, изложение всемирной истории начиналось у Вольтера с Востока — с Китая, где впервые зародилась цивилизация, в то время как Запад пребывал в полном варварстве.

Все различно у азиатских и европейских народов, пишет Вольтер, и религия, и культура (*police*), и правление, и нравы, и пища, и одежда, и манера писать, выражаться и мыслить. «Наибольшее сходство между нами и ими заключается в этом духе войны, убийства и разрушения, который всегда опустошал землю». Впрочем, исключения представляют миролюбивые страны — Индия и особенно Китай.

Китаю принадлежит своеобразное место в историческом построении Вольтера. В противоположность древнему Израилю и государствам нового времени — эта страна обретенной мудрости, справедливости и внутреннего мира. Это объясняется тем, что во главе государства стоит мудрец — император, окруженный философами — мандаринами. Они исповедуют конфуцианство, которое представляет чисто философскую религию — деизм. Народная масса, правда, коснеет в грубых религиозных предрассудках, но император и мандарины мудро используют удобные случаи, чтобы подрывать в народе грубые верования и культы. Используя сентиментальные, идеализированные описания путешественников и миссионеров, Вольтер незаметно для себя создал из Китайской истории морализующую басню в поучение европейцам.

В противоположность счастливому Китаю развитие Европы идет мучительным и трудным путем. Но в ней виден значительный прогресс в области нравов по сравнению с временем варварских завоеваний. Искусства, смягчающие и просвещающие человеческий дух, начинают понемногу возрождаться в XII в. Но самые нелепые и гнусные суеверия продолжают низводить людей до степени животных, заглушая ростки цивилизации. Эти суеверия, распространенные всюду среди «невежественных и свирепых» народов Европы, представляют смесь смешного и варварского.

Арабы цивилизовали (polirent) Азию, Африку и часть Испании, пока их не покорили турки и не изгнали испанцы. И тогда невежество распространилось по этим прекрасным странам.

В Европе устанавливаются грубые, смешные и кровавые феодальные обычаи. Вечная война пап с императорами и королями заливают Европу кровью. Постоянным источником кровопролития была также «догматическая ярость» (*fièvre dogmatique*). «Кровь лилась на полях и эшафотах то в одной стране, то в другой, в течение 500 лет — и все это из-за богословских доказательств». «Надо признать,— говорит Вольтер,— что вся эта история представляет нагромождение преступлений, безумий и несчастий».

И все же, Европа в настоящее время гораздо более густо населена, гораздо цивилизованнее, богаче, просвещеннее, чем она была во времена Карла Великого; она стоит теперь гораздо выше даже по сравнению с временами Римской империи (если не считать Италии). Вольтер указывает на множество цветущих городов, возникших на прежде пустых местах, на расчистку лесов, на развитие земледелия и торговли. Какого же процветания достигла бы Европа, если бы не было этих вечных распри и войн, вызывавшихся часто ничтожными интересами, мелкими капризами; если бы не было монастырей, которые отнимают у полезного труда столько мужчин и женщин!

В последнее время в Европе стал распространяться свет истинной философии и настало время относительного спокойствия и благополучия. Но опасности все еще грозят со всех сторон, и больше всего от суеверия и невежества.

Итак, развитие человечества в общем движется по пути прогресса; но прогрессу приходится с большим трудом прокладывать себе дорогу среди враждебных сил. Развитие человечества не идет мирным и спокойным путем. Вольтер называет историю мира от Карла Великого до XVIII в. «*le vaste théâtre des révolutions*». Это не следует, конечно, понимать в том смысле, что развитие человечества движется революционным путем. *Révolutions* здесь значит скорее «перевороты» или даже «превратности», но не революции, как мы понимаем это слово. Творческая работа непрерывно идет в области сельского хозяйства, промышленности, торговли, науки, техники, философии, но результаты этой работы разрушаются враждебными силами.

Кто же является двигателем прогрессивного развития человечества и кто его разрушителем?

Ответ на этот вопрос у Вольтера совершенно ясен. Двигателем является н а р о д, le peuple. Что же такое народ? Он отвечает: «Это самая многочисленная, самая полезная и даже самая добродетельная часть людей, состоящая из тех, кто изучает право и науки, из промышленников, купцов, ремесленников, и, наконец, земледельцев, которые занимаются первойшей и в то же время самой презираемой профессией («Lettres sur les Anglais»). Вольтер на первом месте ставит интеллигенцию — ученых и юристов, затем — буржуазию, наконец ремесленников и земледельцев. Итак, под народом он понимает те группы населения, которые объединялись тогда термином «третье сословие». Вольтер подчеркивает роль городской буржуазии в истории Европы. Эти купцы и ремесленники, безвестные люди, работают в тиши, как муравьи, в то время как коршуны рвут друг друга. Они сохранили кое-что из римского наследия и приумножили это наследие новыми техническими изобретениями. В городах, и прежде всего в городах Италии начинает складываться новая культура.

Итак, «народ» — двигатель прогресса. Кто же препятствует прогрессивному развитию человечества? И на этот вопрос ответ совершенно ясен. Это — знатные, nobles, это — привилегированные классы, как духовные так и светские. Эти разбойники, brigands, как их называет Вольтер, не составляют и одной пятитысячной части населения. Своими насилиями, войнами, раздорами, своей «догматической яростью» они разоряют землю и разрушают плоды труда производительной части населения.

В средние века все население делилось на эти две основные группы — peuple, народ, и nobles, знатные, причем знатым принадлежали «труд и кровь» народа. До известной степени это деление сохранилось и до последнего времени.

У Вольтера, несомненно, имеется идея борьбы классов — в ее буржуазной форме. Да она и не была новостью в его время. Не говоря уже о Макиавелли (а Вольтер считал, что Макиавелли и Гвиччардини являются зачинателями новой исторической науки), эта идея ясно выступает у Дюбо, которого Вольтер очень ценил. Это не значит, конечно, что Вольтер вполне сочувствовал революционным движениям народных масс. Он говорит о восстаниях крепостных крестьян, о Жакерии, о восстании Уота Тайлера. Он подчеркивает, что эти восстания имели причиной угнетение крестьян знатью и с этой стороны их оправдывает. Но все же они внушают ему страх и антипатию. Особенно раздражают его те движения, которые ставят вопрос об общности имущества или об имущественном равенстве, как движения Мюнцера, абабаптистов, левеллеров (aplanisseurs). Идея равенства кажется ему «химической». Когда ему случается высказываться в пользу равенства, он имеет в виду политическое равенство, равенство перед законом, а не такое «когда слуга равен господину». Вольтер убежден, что на нашем несчастном земном шаре невозможно, чтобы люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса — класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат. Надо лишь, чтобы бедным было предоставлено право продавать свой труд, кому они захотят. Другими словами, надо, чтобы феодальная эксплуатация сменилась буржуазной. Несомненно, Вольтер ясно сознавал интересы своего класса, и, ненавидя всеми силами души феодализм, с опасением и недоверием смотрел на народные массы, когда они сами пробовали взять свою судьбу в свои руки.

У Вольтера находят много фраз, выражающих недоверие к народным массам, даже высокомерное презрение к ним. Не меньше можно

найти и таких, которые выражают глубокое сочувствие к ним, к их страданиям. Но во всяком случае массы не должны рассуждать, не должны идти самостоятельным путем. Буржуазия охотно говорила о «своем единстве с «народом», об общем происхождении, об общих врагах. Она считала себя представительницей общенародных интересов. Но самостоятельные движения темных и непросвещенных масс опасны. Вольтер говорит о восстании Уота Тайлера: «Один кровельщик и один священник (Уот Тайлер и Джон Болл) наделали Англии не меньше вреда, чем могут наделать раздоры королей и парламентов».

Но, относясь со страхом и недоверием к движениям народных масс, Вольтер, при всей своей политической умеренности, не является принципиальным противником революции, если эта революция в интересах буржуазии. Он высоко ставит идеал просвещенного абсолютизма. Но этот идеал редко воплощается в истории. Как же быть с недостойным монархом, с монархом-деспотом?

Вольтер посвящает немало страниц недалеким по времени событиям английской революции, с которыми он был хорошо знаком и по Кларендону и по Юму. Отношение его к этим событиям колеблющееся. Он то сочувствовал революции, то видел в ней лишь безобразную и ненужную борьбу, вызванную религиозными разногласиями. В «Опыте» он пытается быть беспристрастным. Несомненно, он сочувствует парламенту в его борьбе с королевским деспотизмом. Рассказ о казни короля выдержан в очень спокойном тоне, за которым можно почувствовать, что этот акт был целесообразен. С чувством удовлетворения говорит он о низвержении статуи Карла I и о сделанной на ее месте надписи: «Карл, последний король, первый тиран». Вольтер подчеркивает, что «никогда Англия не была так могущественна, как с того времени, когда она стала республикой». К Кромвелю он возвращается много раз. Рисуя его как узурпатора, покрытого кровью захватчика, религиозного лицемера, «чья власть была цементирована кровью, поддерживалась силой и хитростью», он признает за ним исключительные военные и политические таланты, отмечает его редкую веротерпимость. Узурпатор Кромвель заставлял всех уважать свою нацию.

Но Вольтеру совершенно чужда и непонятна вся сложная религиозная борьба английской революции, тот «*fureur de la liberté*», который овладел нацией, уравнивательные тенденции индипендентов и «*aplanisseurs*». О малом парламенте он говорит с величайшим пренебрежением. Ему непонятно значение английской революции в деле развития культуры.

«Во времена Кромвеля,— говорит он,— не знали другой науки и другой литературы кроме применения текстов из ветхого и нового заветов к общественным раздорам и самым свирепым революционным актам». В этом отношении он отдает предпочтение Реставрации, когда на престоле оказался Карл II, исповедывавший, по мнению Вольтера, чистую религию деизма, эту религию философов, единственную из всех религий, никогда не потрясавшую общество своими раздорами. При нем расцветают в Англии науки и «дух нации приобретает бессмертную славу, чего нельзя сказать о государстве», которое Карл в течение долгого времени продает Франции.

Вполне сочувственно относится Вольтер к низложению короля-деспота и фанатика Якова II. Переворот 1688 г. гарантировал Англии истинную свободу.

С полным сочувствием говорит Вольтер о швейцарской революции и об установлении республики. В этой стране укрепилось равенство, эта естественная доля людей, *partage naturel des hommes*,— но не то абсурдное и невозможное равенство, которое приравнивает слугу господину, а то, при котором каждый гражданин зависит только от законов.

Швейцария могла бы считаться счастливой, если бы и ее не раздирали религиозные споры. «Очень мало республик на земле,— пишет Вольтер.— И то они обязаны своей свободой скалам или морю, которые их защищают. Люди редко достойны управлять сами собою». Так же сочувственно он говорит о нидерландской революции и о голландской республике.

Мы можем подвести некоторые итоги тому, что сделал Вольтер для исторической науки.

Он изгнал бога из истории. Он ясно показал, что возможно «философское» построение всемирной истории вне всяких представлений о божественном плане. Конечно, у нас нет оснований называть его историком-материалистом. Культура, идеи играют у него основную творческую роль. Но он понимает огромное значение материальных факторов в истории. Его можно назвать великим историком-реалистом, проникнутым глубоким чувством действительности.

Он предъявлял новые, строгие требования к критике источников, которая до него была лишь формальной критикой рукописей.

Он выдвинул в истории на первый план новые проблемы — историю культуры, науки, техники; он поставил на очередь вопросы социальной истории.

Он поставил на новый путь проблему всеобщей истории, отказавшись от европоцентризма, стремясь охватить развитие человечества в целом.

Он построил всемирную историю с точки зрения своего класса — буржуазии. Он сделал историю сильнейшим орудием в борьбе буржуазии с враждебными силами феодализма и феодальной церкви.

Не будет преувеличением сказать, что Вольтер является создателем новой, буржуазной исторической науки. Те отдельные попытки, которые делались в этом направлении до него, совершенно меркнут по сравнению с его колоссальными заслугами.

Слишком легко указывать на многочисленные ошибки Вольтера, на его плохую осведомленность в ряде вопросов, на то, что в некоторых отношениях он не стоял на высоте знаний своего времени, что о многом он трактует слегка и поверхностно. История не была главным предметом его занятий. Если бы он вздумал проработать весь материал всемирной истории равномерно и исследовательским путем, его великий труд никогда не был бы выполнен. Если у него немало ошибок, немало недодуманного и незрелого, то он дал буржуазной исторической литературе XIX в. гениальную программу исследовательской работы. И почти все лучшее и прогрессивное в этой работе может быть возведено к Вольтеру.

Л. И. ЗУБОК

**БОРЬБА В США ВОКРУГ ВОПРОСА О ЛИГЕ НАЦИЙ
В 1919—1920 гг.**

Борьба против Лиги наций в США началась задолго до окончания Парижской конференции 1919 г. Устав Лиги наций был утвержден на пленарном заседании конференции 14 февраля. Вскоре после этого Вильсон уехал в США на закрытие конгресса. В телеграмме, посланной им в Вашингтон, он просил, не развертывая дискуссии по вопросу об уставе Лиги наций, созвать совещание с членами комитетов внешних сношений конгресса и сената, на котором он обещал разъяснить каждую статью устава в отдельности.

Республиканские сенаторы не были расположены пойти навстречу желаниям президента в вопросе о Лиге. Оппозиция заявляла, что принятие устава означало бы отречение от доктрины Монро, значительное умаление суверенитета и независимости США и подчинение их внешней политики решениям международного органа, в котором на один американский голос придется восемь иностранных.

26 февраля, через два дня после возвращения Вильсона в США, в Белом доме состоялась встреча Вильсона с членами комитетов внешних сношений; во время этого совещания Вильсон был как бы подвергнут подробнейшему допросу. Никакого официального отчета о том, что говорилось на совещании, опубликовано не было. Тем не менее стало известным, будто Вильсон утверждал, что внести изменения в устав Лиги будет очень трудно, так как 14 наций уже одобрили его, что устав ни в каком отношении не нарушает доктрины Монро, что в случае вступления США в Лигу наций все же только конгрессу будет принадлежать право принимать решение о посылке войск в Европу.

Дебаты в сенате, открывшиеся еще до прибытия Вильсона в США, чрезвычайно оживились после 26 февраля. Враги Лиги в сенате показали зубы прежде, чем истек срок 65-го конгресса. Руководитель оппозиции, сенатор Генри Кабот Лодж, внес знаменитую резолюцию «Round Robin», которая была подписана 37 новоизбранными сенаторами, числом достаточным, чтобы провалить договор. Вот что гласил один из самых выразительных абзацев этой резолюции:

«Сенатом США при исполнении его конституционных обязанностей консультировать по вопросу о договорах решено, что, несмотря на искреннее желание сената, чтобы народы всего мира объединились ради утверждения мира и всеобщего разоружения, организация Лиги наций в форме, предложенной ныне мирной конференцией, не должна быть принята США¹».

Далее в резолюции говорилось, что предложение об организации Лиги наций должно рассматриваться только после заключения мира. Ясно, что целью этого ультиматума было дать понять делегатам в Париже, что сенат США не санкционирует договора, в который будет включен устав Лиги.

¹ Houston D. Eight Years with Wilson's Cabinet, 1913—1920, N. Y., 1926. pp. 1—2.

Надо отметить, что критика сенаторов и их резолюция были направлены против первого проекта устава, предназначенного «для рассмотрения и обсуждения всеми заинтересованными державами»¹.

Вильсон принял к сведению критические замечания республиканцев, в особенности замечания Тафта, Юза и Рута, и был намерен поднять вопрос об изменениях в уставе и бороться за них, чтобы сделать устав более приемлемым для американского общественного мнения. Лоджу даже было предложено внести те изменения, которые сенат считал особенно важными. Однако Лодж категорически отказался внести какие бы то ни было предложения. И даже более того, как рассказывает Невинс в своей книге «Henry White», Лодж послал Уайту, члену американской делегации, записку, в которой излагал свои взгляды на мир, с просьбой показать ее строго конфиденциально Бальфуру, Клемансо и Нитти. Было совершенно ясно, что Лодж хотел помочь европейским государственным деятелям в их борьбе против Вильсона. Однако Уайт и не подумал показать этот документ кому-либо из представителей союзников и сохранил его в полной тайне².

Республиканская печать восхваляла действия Лоджа и его сторонников. «The New York Sun» сообщала, что «Лига наций Вудро Вильсона скончалась сегодня вечером в сенате», «Harvey's Weekly» писала о «Лиге денационализированных наций».

Вернувшись на конференцию в Париж, Вильсон начал борьбу за принятие представителями других держав поправок к уставу Лиги наций, соответствующих важнейшим возражениям американской критики. В основном ему удалось добиться положительных результатов, но за счет ослабления его позиции по другим вопросам. Вильсон все же остался непоколебимым в одном: он настоял на включении устава Лиги в Версальский договор, как его неотъемлемой части.

В США вопрос об уставе Лиги обсуждался повсеместно. Защитники и противники устава выступали на публичных митингах, в клубах, в совместных дискуссиях. Во многих городах были организованы предварительные голосования (straw votes). Особенное внимание политических кругов было привлечено диспуту между сенатором Лоджем и президентом Гарвардского университета Лоуэллем (в Бостоне 19/III 1919 г.). Лодж начал с опровержения ходячего мнения о нем, как о противнике Лиги наций, заявляя, что является сторонником Лиги, которая может привести к разоружению. Весь вопрос в том, сможет ли устав Лиги наций в его запроектированном виде обеспечить мир, справедлив ли он, благоприятен ли он для США. Затем Лодж остановился на важнейших недостатках устава. Он доказывал, что подписавшие его нации через год перессорятся. Прежде всего устав «надо переделать и написать понятным для всех языком», — говорил он. Это чрезвычайно существенно ввиду того, что договоры должны свято выполняться. Второе требование Лоджа заключалось в точном определении уставом количества голосов в Совете Лиги. В-третьих, заявлял он, необходимо уделить специальное внимание доктрине Монро, которая базируется на двух непреходящих факторах: географии и человеческой природе. Далее Лодж указывал, что в компетенцию Лиги не должны входить вопросы иммиграции и пошлин. Что же касается X статьи устава Лиги наций, то Лодж спрашивал: неужели американский народ согласится посылать своих сынов «сражаться в боях всех народов мира? Если же американ-

¹ Miller. The Drafting of the Covenant, vol. II, New York, 1928, p. 578; Clarence A. Berdhal. The Policy of the United States with Respect to the League of Nations, Genève, 1932, p. 39.

² Nevins. Henry White. New York, 1930, pp. 397—401, 353—356.

ский народ на это не согласится, то эта статья должна быть исключена из устава»¹.

В своем ответе Лоджу президент Гарвардского университета Лоуэлль заявил, что он считает абсолютно необходимым основание Лиги наций; что главной ее целью должно быть предотвращение войны². Для этого необходимо установить принцип принудительного арбитража и не допускать применения оружия после «принятого решения, которое считается всеми правильным и справедливым». Нация, начавшая войну до арбитража, должна быть объявлена вне закона, и наказание должно налагаться «автоматически».

Сторонники Лиги наций в США организовали «Лигу объединенных свободных наций». Группа видных противников Лиги образовала «Лигу сохранения американской независимости».

28 апреля пересмотренный устав Лиги наций был единогласно принят на пленарном заседании мирной конференции. Язык устава был упрощен, отдельные формулировки уточнены; были внесены добавления и изменения, отвечающие пожеланиям американских критиков. Доктрина Монро была гарантирована особой статьей.

Несмотря на внесенные в текст исправления, оппозиция в США не ослабевала. Многие из противников устава считали, что исправления недостаточны, и заявляли о своем намерении продолжать борьбу против Лиги и Вильсона. При этом образовались четыре группы сенаторов, различно относившихся к ратификации Версальского договора и Лиги наций: 1. Демократы (Administration Democrats) (около 45 сенаторов) и один республиканец (сенатор Мак Комбер из Северной Дакоты), готовые поддерживать договор без всяких ограничений. 2. Сторонники умеренных поправок («Mild Reservationists») — около 15 республиканцев, в том числе Келлог из Миннесоты, впоследствии государственный секретарь США. 3. Сторонники внесения в устав коренных изменений («Strong Reservationists») — около 20 республиканцев, во главе с руководителем комиссии внешних сношений сената Лоджем. 4. Группа «непримиримых» («irreconcilables» или «bitter-enders») — человек 12—15 сенаторов (в том числе 3 демократа), возглавляемая сенатором Бора, откровенно враждебная ратификации договора присоединения США к Лиге Наций при каких бы то ни было условиях.

Группа Лоджа представляла крупные тресты, которые были недовольны внешней политикой Вильсона. Она считала, что Вильсон и Ллойд Джордж слишком мягко обращались с Германией. Газета «The New York Herald», выражая мнение этой группы, заявляла, что такая снисходительность граничит с изменой делу союзников. Группа Бора, представлявшая интересы западных фермеров, также не одобряла внешней политики Вильсона. Она стояла за политику изоляции и отвергала устав Лиги наций до конца. Она выступала за применение «старой испытанной» доктрины Монро в новых условиях. Ее лозунг был: «Национализм, а не интернационализм».

В своей борьбе с Вильсоном оппозиция, конечно, использовала недовольство некоторых групп населения. Без сомнения, тысячи американских немцев находились в резкой оппозиции к Вильсону, считая Версальский договор предательством по отношению к Германии. Американские итальянцы не могли простить Вильсону его роли в вопросе о Фиуме. Ирландцы негодовали потому, что, по их мнению, Вильсон не оказал в Париже должного давления на Англию в вопросе о независи-

¹ Статья X прокламировала обязательства членов Лиги наций «уважать и сохранять против всякой внешней агрессии территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае агрессии, угрозы или опасности агрессии Совет указывает меры для исполнения этого обязательства»:

² «Daily News», 2/III. 1919 г.

мости Ирландии. Очень многие среди либерально настроенных элементов, раньше поддерживавших Вильсона, теперь выступали против него, считая, что он изменил 14 пунктам и подписал империалистический мирный договор.

И все-таки даже сенатор Лодж был согласен с тем, что подавляющее большинство населения относилось к уставу Лиги наций благоприятно. Лодж вступил в соглашение с «непримиримыми» для совместной борьбы против ратификации договора. Они решили не допустить прямого голосования по вопросу о ратификации, так как были уверены, что в таком случае договор и устав Лиги будут ратифицированы. «Широкое народное массы,— писал Лодж,— простонародье, как принято выражаться: фермеры, лавочники, клерки и т. п., коротко говоря, вообще народ, ничего не понимали в договоре; им не представлялась даже возможность прочесть положения Лиги, кроме проекта, привезенного Вильсоном при его возвращении в феврале. В связи с полным незнанием деталей договора их естественным желанием было скорейшее подписание мира, поскольку кончилась война. Кроме того, за Лигу наций выступало большинство духовенства, многие из университетских профессоров, публицисты и вообще люди, привыкшие устно или письменно выступать для прессы. В таких условиях, говорил я сенатору Бора, для меня было совершенно очевидным, что всякая попытка провалить договор и устав Лиги прямым голосованием в сенате безнадежна»¹.

Именно поэтому Лодж предлагал как можно дольше затягивать обсуждение договора путем внесения поправок и оговорок. Он считал, что если нельзя надеяться на непосредственное поражение сторонников Лиги путем голосования, то надо приложить все усилия к тому, чтобы «американизировать» устав Лиги прибавлением к нему ряда оговорок или поправок, которые создали бы авторитет американцам: Если Вильсон откажется принять измененный устав, ответственность за провал можно будет возложить на него самого и его партию. «Очень близка моему сердцу была и другая цель,— пишет Лодж,— а именно: если мы будем успешно вставлять оговорки, то создадим такое положение, при котором ответственность за неудачу и непринятие договора будет нести демократическая партия и в частности друзья Вильсона, а не противники договора, которые старались провести его в приемлемой для США форме»².

«Время и деньги,— пишет один автор,— могли спасти страну от Лиги. Время у Лоджа имелось, ибо он мог задержать договор в сенатской комиссии внешних сношений. Деньгами его снабжали миллионеры-республиканцы Генри Клей Фрик и Эндрю Меллон, извлекавшие огромные барыши из системы высоких тарифов, установленных республиканскими кабинетами. Кампанию пропаганды против Лиги можно было поэтому открыть в полном объеме»³.

19 мая 1919 г. открылась чрезвычайная сессия конгресса. Сенат состоял из 49 республиканцев и 47 демократов. Республиканцы имели большинство в сенатской комиссии по внешним делам, председателем которой был Лодж. Это являлось большим преимуществом для противников Лиги. Атаки против Лиги продолжались во время пребывания Вильсона в Париже. Сенатор Лодж и Бора сделали заявление в Сенате, что кое-какие круги в Нью-Йорке имеют экземпляр мирного договора с Германией, в то время как ни американский народ, ни сенат не смогли получить ни одного экземпляра. 9 июня сенатор Бора выступил с заявлением о том, что ему удалось достать экземпляр договора;

¹ Lodge. The Senate and the League of Nations, New York, 1925, pp. 146—150.

² Ibid., p. 164.

³ Bailey Th. A Diplomatic History of the American People, New York, 1940, pp. 670—671.

«это — документ неофициальный, хотя несомненно точный и верный». После оживленных дебатов о допустимости обсуждения неофициально полученного договора было решено отпечатать его в отчетах конгресса.

Как известно, 28 июня 1919 г. Версальский договор был подписан. Вильсон возвратился в США 8 июля. Через два дня он представил в сенат договор, сопровождаемый посланием. Договор состоял из 264 страниц. На чтение его вслух сенатором Лоджем ушло около двух недель, что дало республиканцам возможность организовать оппозицию и подготовить общественное мнение страны против Лиги. Одновременно сенатская комиссия по иностранным делам организовала публичные опросы, начавшиеся с 31 июля и продолжавшиеся 6 недель. Перед комиссией прошло до 60 свидетелей, в том числе государственный секретарь Лансинг и американские эксперты, работавшие с Вильсоном в Париже. Были призваны выразить свое мнение представители национальных меньшинств Ирландии, Египта и других стран. Представители американских ирландцев высказались против устава Лиги на том основании, что если он будет принят, то этим затруднится реализация стремлений Ирландии к независимости. Представители албанской национальной партии требовали права самоопределения для Албании и ее управления международной комиссией, назначенной Лигой наций. Притязания югославов на Адриатику и Фиуме были изложены делегацией из представителей югославского республиканского союза в США. Выразителем итальянских интересов явился член конгресса Ла Гардиа. Представители Египта предъявили в комиссию требование признания его независимости или передачи решения о его статусе Совету Лиги наций.

По просьбе комиссии внешних сношений, 19 августа в Белом Доме было созвано совещание. Вильсон призывал сенаторов поспешить с ратификацией договора, чтобы вернуть страну к нормальным условиям жизни и производства. Затяжка с ратификацией даст возможность Англии, Франции и Бельгии завладеть рынками Центральной Европы. «Мне кажется,— сказал Вильсон,— что ратификации договора ничто не мешает, кроме кое-каких сомнений относительно значения и применения некоторых статей устава Лиги наций, и я должен признаться, что никак не могу понять, на чем основываются эти сомнения»¹. Далее Вильсон утверждал, что доктрина Монро не умаляется ни в какой части текста устава Лиги наций. Вопросы внутренней политики не затрагивались, ибо «упоминание некоторых из них может привести к мнению, что другие важные вопросы, не упомянутые, исключены»². Президент объяснил, что вопросы иммиграции, пошлин и натурализации являются вопросами исключительно внутренней политики и не подлежат обсуждению международного органа.

Ни на чем не основано также, говорил Вильсон, недоверие к статье X. Она вовсе не противоречит праву конгресса решать вопросы войны и мира. «Соединенные Штаты,— сказал президент,— возьмут, конечно, на себя по статье X обязательство уважать и предохранять против внешней агрессии территориальную неприкосновенность и политическую независимость всех членов Лиги наций... Но это моральное обязательство, а не юридическое; оно оставляет нашему конгрессу полнейшую свободу истолковывать его по-своему во всех случаях, требующих активного выступления. Оно связывает только по совести, но не по закону. Статья X представляется мне основой всего устава. Без нее Лига была бы не больше, чем влиятельным дискуссионным обществом»³. В заключение Вильсон заявил, что он ничего не имеет против оговорок

¹ Houston. Op. cit., vol. II, pp. 8—9.

² Ibid., p. 10.

³ Ibid., p. 12.

и поправок, сопровождающих ратификацию. Однако он против внесения каких бы то ни было изменений в текст договора, ибо это затянуло бы ратификацию и потребовало бы утверждения этого текста другими державами. В продолжение трех часов после этого сенаторы задавали Вильсону вопросы, на которые он терпеливо отвечал.

По окончании совещания каждая сторона приписывала себе победу. Но на самом деле борьба за договор вступила лишь в новую, самую решительную фазу.

С неделю спустя после совещания 19 августа в сенатской комиссии по внешней политике началось голосование поправок и оговорок как к договору, так и к уставу Лиги наций. Большая часть поправок относилась к Шаньдунскому вопросу и к количеству голосов, предоставляемых Англии в ассамблее Лиги наций. В одних предполагалось отнять у Японии германские права на Шаньдунском полуострове с передачей их Китаю, в других предоставить США такое же количество голосов в Лиге наций, какое получала Англия и ее «самоуправляющиеся колонии».

Наконец, 4 сентября комитет по внешней политике решил внести на обсуждение сената договор с четырьмя оговорками (reservations) и 38 поправками. В предложенной сенату резолюции о ратификации указывалось на необходимость включения в текст договора поправок и оговорок. Это должно быть условием для ратификации договора. Но это означало также, что договор должен быть опять утвержден Великобританией, Францией, Италией и Японией.

Дебаты о договоре в сенате ясно показали, что оппозиция крепнет. Тогда президент Вильсон решил объехать страну с призывом к народу. С 4 по 25 сентября президент проехал 10 тысяч миль в западном направлении. Он произнес в общем 37 речей, случалось, что по три в один день; основной мыслью всех речей было то положение, что договор и устав Лиги наций являются наилучшим, чего можно было достигнуть при данных условиях. Вильсон доказывал необходимость немедленно заключить мир, утверждая, что устав Лиги является необходимым орудием для эффективности восстановления порядка в будущем и что без участия США Лига наций превратится в простой союз главных европейских держав и Японии. «Призыв Вильсона,— пишет David Loth в книге «Woodrow Wilson», был столь же эффективным, как его военные послания, и огромные толпы народа приветствовали Лигу и выступления Вильсона в Индианополисе и Сен-Луи при его поездках к Западу и Северу, через Дакоту, Монтану и Орегон»¹.

В своих многочисленных речах Вильсон отвечал на главные возражения оппозиции. Он отрицал, что США займут в Лиге наций невыгодное положение, ввиду того что у Англии будет шесть голосов в ассамблее, поскольку голосует не ассамблея, а совет.

Много внимания было уделено в речах статье X, которая, по словам Вильсона, «наносит удар в самое сердце старой системы». В статье X нет ничего, что принуждало бы конгресс США к объявлению войны, если он не считает это необходимым. Статья X не имеет силы, пока все, в том числе США, не постановят, что она должна получить силу. В первой же фразе предусматривается, что каждый член Лиги должен уважать и охранять территориальную целостность каждого из остальных его членов. Во второй фразе говорится, что «в случае такой агрессии Совет должен обсудить мероприятия, которые должны быть применены для выполнения этого обязательства»². Но решения Совета только тогда имеют силу, когда они приняты единогласно. Это опять-таки означает, что никакое решение не может быть принято без согла-

¹ Loth D. Woodrow Wilson. The Fifteenth Point, New York, 4, 1941, p. 320.

² Houston, Op. cit., vol. II, p. 27.

сия США. «В таком случае,— сказал Вильсон,— совершенно нелепо говорить об основании какого-то «сверхправительства» (supergovernment) над США; совершенно нелепо говорить о том, что организуется такая власть, которая могла бы распоряжаться нашими войсками в других частях света, вмешиваться в наши внутренние дела, направлять нашу внешнюю политику. Признав устав Лиги наций, мы не будем менее самостоятельны в проведении своей политики, чем сейчас»¹.

В уставе нет также никаких противоречий с доктриной Монро, утверждал Вильсон. «Я не знаю большего признания доктрины Монро, чем это сделано в уставе Лиги наций»².

Вильсон затратил не мало труда на разъяснение статей договора, касающихся Шаньдуня. Он утверждал, что Шаньдунь не отнимается у Китая. Его берут у Германии так же, как Порт-Артур был взят не у Китая, а у России и передан Японии. Он ссылается на заключенный во время войны секретный договор, в котором Франция и Англия обещали отдать Японии Шаньдунь и бывшие под господством Германии острова на Тихом океане, если она завоюет их силой. Правда, США не были связаны этим договором, и только под их давлением Япония согласилась «уступить Китаю сейчас же после ратификации договора все суверенные права, принадлежащие ранее Германии в Шаньдунской провинции. Это было единственным когда-либо сделанным обещанием такого рода, единственной (в таком роде) уступкой, когда-либо сделанной,— сохранить за собою только то, что иностранные корпорации вообще имеют в Китае,— как ни печально, но это факт — право эксплуатировать железные дороги и горнопромышленные предприятия в качестве концессий без всяких политических прав или права содержать военную силу... Какова же альтернатива? Если вы настаиваете на исключении Шаньдунского решения, это равносильно нашему отказу от договора. Это не отдаст Шаньдуня обратно Китаю. Его можно вернуть только путем вооруженной борьбы, послав военно-морские силы и армию против Японии, Франции и Англии»³.

Все эти аргументы были нужны Вильсону, чтобы показать, почему он был против оговорок, которые предлагались для внесения в акт ратификации. Вильсон вновь и вновь указывал, что он ничего не имеет против поправок и изменений. Однако, если принятые поправки и изменения войдут в текст договора или изменят прежний, уже утвержденный другими державами текст, то это приведет к новым обсуждениям и спорам с другими государствами и затянет установление мира.

Напряженная работа во время агитационного тура довела Вильсона до серьезной болезни. 26 сентября он оказался вынужденным прекратить работу и спешно возвратиться в Вашингтон. В течение семи с половиной месяцев Вильсон не был в состоянии даже встретиться со своим кабинетом. Демократы и другие круги, поддерживавшие правительство, были лишены своего идейного вождя.

Надо отметить, что республиканцы были чрезвычайно встревожены приемом, оказанным повсеместно президенту во время его поездки. Ввиду этого они решили организовать контркампанию. Несколько «непримиримых» сенаторов, а именно Бора, Джонсон и др., «выслеживали» президента. Они выступали перед большими публичными собраниями в тех же городах — одним-двумя днями позже, с разъяснениями целей спозиции. Эта кампания широко финансировалась угольным бароном Генри К. Фриком и Эндрю Б. Меллоном, будущим министром финансов

¹ Houston. Op. cit., vol. II, p. 25.

² Ibid., p. 27.

³ Ibid., p. 29.

Между тем в сенате продолжалось чтение договора. Отчет комиссии внешних сношений был представлен в сенате 10 сентября 1919 г. В нем заключались рекомендуемые исправления и оговорки.

Первой поправкой предлагалось предоставить США равное Великобритании количество голосов в Ассамблее. Поправки от 39 до 44 включительно предлагали «передать Китаю германскую аренду и права, если таковые существуют, в китайской провинции Шаньдунь, отданные по договору Японии»¹. «Большинство членов комиссии, — говорилось в докладе, — не может согласиться на то, чтобы в осуществление сделки, заключенной другими державами в секретном договоре, у верного союзника была отобрана собственность и передана другому союзнику»². Одна из поправок предусматривала, что «в случае конфликта с членом Лиги, имеющим самоуправляющиеся доминионы и колонии, права голосования должен быть лишен, согласно уставу, весь агрегат, т. е. все члены империи»³. Остальными поправками предлагалось освободить США от обязанностей иметь представителей в учрежденных Лигой комиссиях, занимающихся делами, в которых США не заинтересованы.

Далее следовали четыре оговорки. Первая требовала для США свободы выхода из Лиги, предусматриваемой статьей I устава, причем США сами должны решать вопрос о том, выполнили ли они свои обязательства полностью. Вторая оговорка относилась главным образом к статье X. Она требовала, чтобы на США не распространялось обязательство гарантировать территориальную целостность и политическую независимость других стран и вмешиваться в конфликт между другими народами как членами, так и не членами Лиги, без соответствующего решения конгресса. Оговорка эта касалась также вопроса о мандатах. Предлагалось, чтобы США имели право принять мандат только с разрешения конгресса⁴. Третья оговорка требовала сохранения за США абсолютной юрисдикции во внутренних делах. Говорилось, что вопросы «иммиграции, каботажного судоходства, пошлин, торговли и другие внутренние дела входят исключительно в юрисдикцию США и ни в коем случае не подлежат арбитражу или компетенции Совета или Ассамблеи Лиги наций, ни решениям и рекомендациям других держав»⁵. В четвертой оговорке вопрос шел о доктрине Монро: «США отказываются предоставить арбитражу или обследованию Ассамблеей или Советом Лиги наций, как то предусматривается мирным договором, дела, связанные, по мнению США, с издавна признанной политической линией, известной обычно под названием доктрины Монро. Названная доктрина подлечит исключительно толкованию США, ни в коей мере не входит в юрисдикцию Лиги наций и совершенно не зависит от положения вышеупомянутого мирного договора с Германией»⁶.

Доклад комиссии определял Лигу как союз пяти великих держав, «который будет порождать войны, вместо того, чтобы упрочивать мир». «Комиссия полагает также, — утверждал доклад, — что устав Лиги требует пожертвовать американской независимостью и суверенитетом, а это никак не может способствовать установлению всеобщего мира, и, наоборот, чревато самыми большими угрозами безопасности и благосостоянию США. Поправки и оговорки руководствуются единственной целью — охраны прав Америки и ее суверенитета, нарушение которых

¹ Lodge, Op. cit., p. 171.

² Ibid., p. 171.

³ Ibid., p. 171—172.

⁴ Finch G. A. The Treaty of Peace with Germany and the Senate, New York, 1920, p. 373.

⁵ Lodge, Op. cit., p. 175.

⁶ Ibid., p. 175.

стимулировало бы вероломство, поощряло бы конфликты и порождало бы войны... Мы не добиваемся никаких гарантий, территорий, торговых выгод или других преимуществ. Другие державы примут нас на наших собственных условиях, потому что иначе все, что они выиграли от победоносного мира, подвергнется опасности. Мы не преследуем никаких эгоистических целей, но настаиваем на том, чтобы в вопросах охраны наших прав, суверенитета, безопасности и независимости единственными судьями были мы сами»¹.

Оставшиеся в меньшинстве члены комиссии, не согласившиеся ни с поправками, ни с оговорками, представили 11 сентября свой отдельный доклад. В этом докладе говорилось, что принятие поправок помешает участию США в договоре. К тому же приведет принятие оговорок, вносящих изменения в договор. Доклад указывал на важность основания Лиги наций, единственной организации, способной утвердить мир среди народов и заменить силу международной справедливостью. Лига наций сделает невозможными захватнические войны, объединит все народы против агрессора, она будет способствовать охранению территориальной целостности и политической независимости каждого ее члена. «Это единственный план для спасения мира от войны, чумы (pestilence) и голода, единственный план, способный спасти мир от бедствий последней войны и от нависшей над нами угрозы международного хаоса»².

В третьем докладе, представленном сенату, излагались взгляды сторонников умеренных оговорок. Доклад отвергал поправки и оговорки большинства комиссий, предлагая взамен четыре другие оговорки и еще две оговорки по Шаньдунскому вопросу и по вопросу о праве голоса самоуправляющихся доминионов в Лиге. Доклад «умеренных» исходил из того, что следует уклониться от участия в восстановлении Европы.

27 сентября сенат прервал чтение договора и приступил к обсуждению поправок к нему, предложенных комиссией и устранивших США от участия в некоторых работах, связанных с осуществлением договора. Поправками требовалось, чтобы США не участвовали в комиссиях по установлению границ между Бельгией и Германией, Польшей и Германией, Польшей и Чехословакией; отвергалось участие США в комиссиях по управлению Саарским бассейном, Верхней Силезией, Восточной Пруссией и Шлезвигом в период плебисцитов. Аналогичные препятствия ставились участию США в переговорах, касающихся положения Люксембурга и прав национальных меньшинств в Польше и Чехословакии. Другими поправками США устранялись от всякого участия в назначении главы Центральной Рейнской комиссии, от принятия каких-либо прав или постов в Мемеле и Данциге и от участия в будущем определении их статуса. Эти поправки были отвергнуты большинством голосов.

Голосование других поправок, внесенных отдельными сенаторами, имело те же результаты. Постатейное чтение договора было закончено 20 октября. Таким образом голосование показало, что большинство членов сената не соглашалось на исправление текста устава, потому что это повлекло бы за собою пересмотр мирного договора. Тогда комиссия по иностранным делам решила внести на обсуждение сената новые 14 оговорок, которые по своему содержанию не прибавляли ничего нового к уже известным нам возражениям против устава³. 6 ноября Лодж внес предложение принять эти оговорки. На следующий день приступили к их обсуждению и голосованию.

¹ Lodge, Op. cit., 175—177.

² «Senate Report», No. 176, 66 th. Congress, 1st Session, p. II; Finch G. H. Op. cit., p. 376.

³ Полностью эти 14 оговорок см. в книге Samuel Hagg Bemis. A Diplomatic History of the United States, New York, 1936, p. 647.

Каждая из оговорок обсуждалась и голосовалась отдельно. Все они были приняты большинством голосов. Однако для принятия договора требовалось $\frac{2}{3}$ голосов сената. 19 ноября договор с принятыми оговорками был поставлен на голосование. Он был отвергнут 55 голосами против 39. Все другие предложения, связанные с вопросом ратификации договора, также были отвергнуты большинством голосов.

Вслед за этим закрылась первая сессия 67-го конгресса. Между тем Версальский договор был уже ратифицирован Англией, Францией и Италией. Оставалось только принять меры к его проведению в жизнь, для чего требовалось произвести обмен документами о ратификации, передав эти документы во французское министерство иностранных дел, и, наконец, официально обнародовать договор. Но Германия месяц за месяцем преднамеренно нарушала условия перемирия. Она не сдала требуемого числа паровозов и вагонов, не возвратила захваченных ею в оккупированных странах ценностей, не сдала подводных лодок. Многие были потоплены по пути в Англию, а флот, стоявший в Скапа Флоу, был взорван. Германия не вернула предметов искусства, награбленных во Франции, Бельгии и т. д.

6 ноября Верховный совет Антанты обратился к Германии со специальной нотой и протоколом. Германию извещали, что договор не войдет в силу, пока она не выполнит своих обязательств по перемирию. германские представители должны были явиться в Париж 10 ноября для подписания протокола. Однако они не спешили. Явившись с запозданием на неделю, они отказались подписать протокол, в котором подробно излагались все обязательства, взятые на себя Германией. Совершенно ясно, что Германия маневрировала. Она надеялась на то, что отказ сената США ратифицировать договор может привести к пересмотру важнейших статей договора в ее пользу. И поэтому она отказывалась платить за затопленные в Скапа Флоу корабли и выдать немцев, обвиняемых в преступных действиях в оккупированных во время войны территориях. Верховный совет предупредил Германию, что отказ от подписания протокола приведет к применению военной силы. Только угрозы Верховного совета Антанты заставили Германию отказаться от маневрирования и подчиниться его требованиям. К 10 января 1920 г. все необходимые условия для окончательного введения в силу договора были выполнены.

Между тем в США с того дня, когда сенат провалил резолюцию о ратификации, дело не продвинулось вперед. Лодж считал, что никакие дальнейшие компромиссы невозможны. Он надеялся, что вопрос об оговорках (reservations) станет предметом обсуждения на выборной кампании. Во время каникул конгресса состоялся ряд неофициальных конференций сенаторов, республиканцев и демократов, на которых обсуждался вопрос о Лиге наций и о договоре в целом. Однако из обсуждений на всех этих конференциях стало совершенно очевидным, что перспектива ратификации договора без серьезных уступок чрезвычайно мрачна. Все ждали, не выскажется ли Вильсон.

8 января 1920 г. было опубликовано письмо Вильсона, в котором он заявил, что отказывается принять решение сената как окончательное и что по вопросу о Лиге наций невозможны никакие уступки. «Германия,— писал президент,— разбита, но мы все еще находимся в состоянии войны с нею. Могут возобновиться старые наступательные и оборонительные союзы, делавшие невозможным прочный мир. Без устава Лиги наций может быть заключено столько же тайных договоров, как и прежде. Без ратификации договора Америкой и ее вхождения в Лигу наций не обеспечена ни одна из целей, за которую мы боролись... Сохранение мира во всем мире и эффективное выполнение договора зависит от активного участия США в мировой политике... США единствен-

ная нация, у которой достаточно моральной силы, чтобы гарантировать замену войны переговорами. Если мы не примем участия в договоре, если мы не дадим своей гарантии, последует новое покушение на уничтожение молодых малых народов Европы. ...Я лично не воспринимаю действия сената США как решения нации,— заявлял Вильсон,— мы не можем заново написать договор. Мы должны принять его без изменяющих его смысл поправок или же отказаться от него и после того, как весь остальной мир его подпишет, стать лицом к лицу с немыслимой задачей заключения другого, сепаратного мира с Германией»¹. В заключение Вильсон предложил, чтобы вопрос о Лиге наций был поставлен на решение народных масс во время президентских выборов 1920 г.

Между тем обсуждение вопроса о Лиге продолжалось. Много интеллигентов в стране выступало за ратификацию договора и присоединение к Лиге наций. Они не могли примириться с тем, что Лига провалилась из-за невозможности соглашения между лидерами сената относительно оговорок. Голосование, проведенное в нескольких стах колледжей и университетов после провала договора в сенате, доказало большое сочувствие ратификации. Представители 26 национальных организаций, объединяющих 20 миллионов членов, посетили Лоджа и настаивали на немедленной ратификации договора. Под давлением общественного мнения были созваны неофициальные совещания демократов и республиканцев с Лоджем и Хитчкоком во главе. По всем оговоркам, кроме тех, которые касались статьи X, удалось достигнуть соглашения. Соглашение было возможно даже и в последнем случае, если бы «непримиримые» не угрожали пустить в ход все силы, чтобы провалить договор. Сенатор Бора грозил даже расколоть республиканскую партию и сместить Лоджа, как лидера большинства, если он уступит желанию демократов притти к соглашению относительно статьи X. В заключение 26 января Лодж заявил демократам, что ни по статье X, ни по оговорке, касающейся доктрины Монро, никакой компромисс невозможен. Это положило конец переговорам.

Таким образом оставался только один последний путь: снова внести договор в сенат и, в случае его провала, передать вопрос на народное голосование во время президентских выборов 1920 г. Помощь явилась из неожиданного источника. В Лондонском «Times» от 31 января появилось письмо лорда Грея. Оно начиналось с того, что в международной политике нет ничего более желательного, чем взаимное понимание между Англией и США. Союзники относятся сочувственно к ратификации договора с оговорками Лоджа, а Британская империя ничего не будет иметь против поправок, кроме той из них, которая потребует изменения положения о шести голосах в ассамблее. По этому вопросу Грей писал: «Наша цель — поддержать статус самоуправляющихся доминионов, а не закрепить за собою большее число голосов, чем дано Америке. В принципе мы не возражаем против увеличения числа голосов Америки».

Письмо лорда Грея произвело глубокое впечатление как в Англии, так и в США. Оно было написано с целью помочь США вступить в Лигу наций. Грей считал, что без США Лига будет немногим лучше Союза для вооруженной самообороны. Она будет европейской организацией, а не мировой; старые взаимоотношения восстановятся, и агрессивные народы опять будут иметь возможность нарушать мир.

9 февраля 1920 г. договор еще раз поступил на рассмотрение конгресса. Обе стороны, сторонники и противники ратификации договора, готовились к окончательной битве в сенате. Снова и снова делались попытки притти к какому-нибудь компромиссу. 28 демократов подписа-

¹ «The New York Times», 9/1 1920.

ли общее заявление и вручили его Лоджу для передачи республиканцам. Они предлагали притти к общему соглашению на основе оговорки, принятой на совещании обеих партий, или же оговорки, предложенной Тафтом¹. Однако партийная борьба была настолько острой, что притти к соглашению было невозможно. Республиканцы, стремившиеся использовать предстоящую избирательную кампанию в своих целях, явно не хотели уступить демократам. Лодж открыто писал: «Признаюсь, что я веду борьбу против президента Вильсона»².

Прения по поводу оговорки продолжались более месяца. К этому времени насчитывалось уже 15 оговорок. Одна прибавилась в пользу независимости Ирландии. И снова обсуждалась каждая оговорка в отдельности, причем многие из них были приняты. Дискуссия по поводу статьи X была пока отложена. Президент еще раз изложил свои взгляды в письме к лидеру демократов, сенатору Хитчкоку. «Лига наций, — писал он, — не гарантирующая политическую независимость каждого своего члена, не может быть в сущности ничем большим, чем клочком бумаги. Отмена статьи X, а также всякое изменение ее, лишаящее ее силы, доказывало бы желание США возвратиться к старому миру завистливого соперничества. «Империалисты Европы» враждебно относятся к статье X устава Лиги наций, и ее провал означал бы торжество их стремлений подорвать значение договора»³.

Дебаты в сенате продолжались. После ожесточенной борьбы большинство оговорок оказалось принятым. Оговорка к статье X, много раз измененная и исправленная, была также принята с помощью подавших за нее голос демократических сенаторов. 18 марта была внесена оговорка, касающаяся Ирландии, следующего содержания:

«Соглашаясь на ратификацию договора с Германией, США придерживаются принципа самоопределения и резолюции сочувствия стремлениям ирландского народа создать правительство по собственному выбору, принятой сенатом 6 июня 1919 г., в которой заявлялось, что как только Ирландия осуществит свою надежду и создаст такое правительство, она должна быть немедленно принята в Лигу наций»⁴.

Эта резолюция была принята 38 голосами против 36 и превратилась в 15-ю оговорку к договору.

19 марта 1920 г. договор с 15 оговорками был вновь поставлен на голосование. Он не получил необходимых двух третей голосов. За него было подано 49 голосов, против него — 35. В число последних входили 12 голосов, «непримиримых» республиканцев и 23 демократов.

Секретарь сената получил предписание возвратить договор президенту и сообщить ему, что ратификация договора сенатом не состоялась за отсутствием требуемого для этого конституцией большинства⁵.

Выборы 1920 г. можно рассматривать как заключительный этап борьбы за Лигу наций. Демократическая платформа открыто выступала в защиту Лиги, объявляя ее «вернейшим», если не единственным способом для сохранения постоянного мира и для окончания невыносимого бремени военных организаций»⁶. Кандидат демократической партии в президенты, губернатор Кокс, выступил за вильсоновскую платформу: за ратификацию договора без оговорок, которые нарушили бы действительную его ценность.

¹ Оговорка, предложенная Тафтом, относилась к статье X устава Лиги. Предложения Тафта были опубликованы в газете за 1 февраля 1920 г. (The Philadelphia Public Ledger, 1920).

² «The New York Times», 27/XI 1919, p. 21.

³ Mac Master, vol. II, New York, 1937 pp. 448—449.

⁴ Ibid, p. 450.

⁵ «Congressional Record», 19/III 1920 г., p. 4593.

⁶ Porter, National Party Platforms, New York, 1924, p. 414.

Позиция республиканской партии была менее ясной. Лодж, избранный председателем республиканского съезда, умышленно избегал всяких определенных речей о Лиге. В одном из своих писем он написал: «что касается Лиги, никто лучше Вас не знает, по какому узкому каналу мне приходится плыть с подводными камнями с обеих сторон. Я хочу осуждения Вильсона и всей его деятельности. Это сравнительно легко, и мне кажется, я добьюсь этого...»¹.

Несомненно, на съезде республиканской партии преобладали элементы, сочувствующие Лиге с оговорками или без них. Последовала борьба за отдельные формулировки платформы. Бора и его сторонники грозили расколоть партию, если будет принята платформа, благоприятная Лиге. В конце концов это привело к позиции, совершенно бессмысленной в вопросе о Лиге. «Республиканцы составили платформу,— пишет американский историк Гоуланд,— которая в одной интерпретации могла быть принята избирателями — сторонниками Лиги наций, а в другой была приемлема для тех, кто резко восставал против участия в Лиге»².

Республиканский кандидат в президенты, сенатор Гардинг, являлся идеальным кандидатом в этом отношении. Его оппонент, сенатор Кокс, имел возможность отметить по крайней мере 14 примеров противоречивых высказываний Гардинга по вопросу о Лиге. Рут, находившийся в то время в Европе, счел себя вынужденным послать Гардингу секретную телеграмму с просьбой толковать платформу партии в смысле поддержки договора с измененным уставом Лиги»³. Экспрезидент Тафт поддерживал Гардинга потому, что он надеялся, что его избрание ускорит вступление Америки в Лигу. Тридцать один влиятельный сенатор, в том числе Рут, Юз, Стимсон и тринадцать наиболее выдающихся ректоров университетов, подписали воззвание к избирателям о поддержке Гардинга, мотивируя это тем, что республиканская администрация вступит в Лигу, предварительно устранив все препятствия.

Тысячи избирателей голосовали за республиканцев, поверив всем таким уверениям. Гардинг был избран. Большинство американских историков считает, что выборы 1920 г. были как бы плебисцитом по вопросу о Лиге и что победа Гардинга доказала, что большинство народа было против Лиги. Но из сказанного выше очевидно, что это совсем не так. Многие сторонники Лиги, как Юз, Рут, ректоры университетов, студенты и пр., поддерживали Гардинга, веря, что, голосуя за него, они голосуют за ассоциацию народов, которая сохранит все то хорошее, что имелось в Лиге, и отбросит все ее недостатки. Прибавим к этому, что в США, как и во многих других странах, массы устали от условий военного времени и на них имели значительное влияние заявления врагов Лиги о том, что вступление в нее запутает США в европейские дела и втянет их в новые войны.

Избранный вице-президентом Кулидж в одном из своих выступлений говорил: «Сомневаюсь, чтобы вопрос о Лиге наций был основным вопросом в последних выборах и что нам дан избирателями определенный наказ. На Юге, где была значительная оппозиция Лиге, голосовали за демократов. На Севере настолько же, если не в большей степени, преобладали голоса, поданные за республиканцев. Конечно, среди них было много сторонников Лиги. Совершенно ясно, что для многих вопрос заключался просто в том, поддерживать республиканскую или демократическую партию. Нельзя поэтому говорить о преобладании голосов против Лиги наций»⁴.

¹ Johnson, George Harvey — *Passionate Patriot*, Boston, 1929, p. 274, Letter to Harvey.

² Howland, *American Foreign Relations*, N. Y., 1928, p. 295.

³ *Ibid.* p. 289; «The New York Times», 2/XI 1920.

⁴ Заявление сделано 23 ноября 1920 г.

Чл.-корр. АН СССР А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ КАК ИСТОРИК*(К 40-летию научной деятельности)*

«На современном этапе развития истории мусульманского Востока занятие историей Востока является большой дополнительной нагрузкой к работе филолога». Эта мысль, высказанная как-то академ. В. В. Бартольдом, осталась справедливой и на сегодня. Историк в нашей области еще не имеет права отойти в сторону от филологической работы. Энциклопедизм в востоковедении еще далеко не изжит. В. Р. Розен был не только текстологом, литературоведом, но и прекрасным историком. В. В. Бартольд сочетал в себе филолога и историка. Характерно, что в Академии Наук он занимал кафедру турецкой филологии, хотя в историю нашей науки он навсегда вошел как самый крупный историк средневекового мусульманского Востока.

Не нужно быть пророком, чтобы сказать, что энциклопедизм этот — явление временное, что он уже сходит с исторической сцены. И. Ю. Крачковский является последним из могикан, ибо в настоящее время в востоковедении лишь он один сочетает в себе всю совокупность знаний по арабистике, — является в равной мере специалистом по палеографии, эпиграфике, филологии, литературоведению и истории. Только большой скромностью можно объяснить, что в календаре-справочник Академии Наук СССР на 1945 г. под фамилией академ. И. Ю. Крачковского значится: арабская филология.

И. Ю. Крачковский в курсе главных научных вопросов литературоведения и истории всей Передней и Средней Азии, а также Египта и Магриба. Для И. Ю. Крачковского, так же как и для его учителя В. Р. Розена, характерно сочетание лингвистических и филологических дарований с ярко выраженным историческим мышлением и с тонким вкусом литературоведа. Быть может самой яркой характерной чертой «исторического мышления», этой специфики историка, является способность брать все явления, все факты прошлого в их конкретной среде, без соблазна их модернизации. Только при этом условии возможно научное обобщение. Никто, конечно, не поставлен в такие благоприятные условия для проникновения в конкретную среду прошлого, как филолог, поскольку никто не стоит так близко к источнику, как он. Однако филологи часто втягиваются в гущу филологических тонкостей и мелочей и постепенно теряют склонность выйти за пределы интересов, вызываемых данным памятником как таковым. Если большинство их и ведет литературоведческую работу, то редкие из них вступают в ряды историков. Для И. Ю. Крачковского, как ученого, весьма характерна потребность протянуть как можно больше нитей от изучаемого им источника не только в сторону литературоведения, но и в сторону истории; И. Ю. Крачковский является глубоким и разносторонним историком, хотя и называет себя лишь филологом и литературоведом.

Я не имею возможности подробно осветить в настоящей статье все работы И. Ю. Крачковского, которые можно отнести к историческим.

Мне представляется более целесообразным остановиться на разных типах этих работ, на их характерных чертах, взяв для этого несколько образцов.

Кто из историков востоковедов не знает монографии «Древнейший арабский документ из Средней Азии», написанный В. А. и И. Ю. Крачковскими¹. В этой работе палеографическая часть принадлежит В. А. Крачковской, а филологическая и историческая — И. Ю. Крачковскому.

В методологическом отношении это весьма интересное исследование. В руки ученого попал найденный в 1933 г. на одну треть изъеденный червями уникальный памятник древнейшей арабской письменности из развалин замка на горе Муг.

Уже самое наименование глав монографии вскрывает перед нами характер исследования:

1. Дешифровка и датировка.
2. Текст и перевод.
3. Действующие лица.
4. Комментарий к тексту.
5. Историческое значение.

Две первые главы содержат тонкую и вместе с тем весьма творческую филологическую сторону исследования. В первой из них И. Ю. Крачковский шаг за шагом показывает, каким путем ему удалось установить место и время происхождения документа. В обычной практике дешифровки и датировки документа огромную роль играет «изучение параллельных памятников». По признанию исследователя² в данном случае этот прием оказался неприменимым в силу самого отсутствия параллельных документов.

Это было огромным препятствием на первых порах исследования. Нужно прямо сказать, если бы этот замечательный памятник попал в руки не И. Ю. Крачковского, а другого крупного филолога-арабиста, то еще неизвестно, был ли бы он дешифрован и датирован в такой короткий срок, как это сделал И. Ю. Крачковский. Для датировки и дешифровки памятника недостаточно было быть только филологом и лингвистом,— нужно было хорошо знать источники и историю халифата в первые века его существования, в такой же мере историю Египта, Сирии, как и Средней Азии. Всякую появляющуюся догадку, связанную с тем или иным историческим именем, нужно было сейчас же проверить на материале других стран.

Сейчас, когда работа уже проделана, кажется как будто простым и ясным — прочесть имена Тархуна, Дивасти (г) ал-Джарраха ибн Абдаллаха и Сулеймана ибн Абу-с-Сари. Тогда нужно было чтение каждого из этих имен обосновать филологически и исторически. Только подлинно творческая голова И. Ю. Крачковского да глубокое, до тонкости знание им арабского языка и огромная начитанность в исторических источниках позволили так быстро проделать всю необходимую работу по дешифровке и датировке арабского документа на коже.

Завершением дешифровки имен была датировка с точностью до полутора лет памятника, который мог быть написан лишь в пределах между концом 717 и апрелем 719 гг.— в то время, когда наместником Хорасана и Мавереннахра был упомянутый в арабском документе ал-Джаррах ибн Абдаллах.

Вторая глава посвящена чтению и переводу самого текста. Стоит ли говорить, с каким мастерством это сделано?

¹ Крачковская В. А. и акад. Крачковский И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии, Согдийский сборник, сборник статей. Изд. АН СССР, Л. 1934.

² Ук. соч., стр. 54.

Две эти маленькие главы, умещенные в неполные восемь страниц печатного текста, представляют собой классический образец филологического творчества, обязательным помощником которого была обширная историческая эрудиция.

Третья, четвертая и пятая главы носят чисто исторический характер и дают в пределах указанных полутора лет как бы в микрокосме анализ согдийско-арабских отношений. Если в этой монографии И. Ю. Крачковский в качестве филолога поглощен дешифровкой собственных имен, так как без решения этого вопроса документ как источник не существует, то в качестве историка он уже занят выяснением той роли, какую играли упомянутые выше четыре лица в политической и культурной жизни Средней Азии в начале VIII в.

Двое из этих лиц представляли (по выражению автора) согдийскую сторону, двое — арабскую¹. Третья глава, под названием «Действующие лица», заключает в себе все наиболее ценные сведения, какие можно было тогда собрать в источниках об этих лицах. Можно сказать, что фигура Хорасанского наместника ал-Джарраха ибн-Абдаллаха очерчена автором почти с исчерпывающей полнотой. Едва ли что-нибудь еще можно добавить к тому, что сказано И. Ю. Крачковским. Почти то же самое можно сказать и о фигуре «маула» Сулеймана ибн Абу-с-Сари. Что же касается характеристики двух представителей согдийской стороны, то и здесь автор извлек все, что можно было извлечь из арабских источников.

Дальнейшие сведения о них можно было получить в основном из местных согдийских источников (согдийские документы на коже и палках и согдийские монеты), что, как увидим ниже, и последовало за опубликованием монографии И. Ю. Крачковского.

Четвертая глава под названием «Комментарии к тексту», представляет, с точки зрения историка, особый интерес, так как она, на основе извлеченного из арабских источников материала, связанного непосредственно с именами вышеприведенных действующих лиц, рисует картину политической и культурной жизни в конце 10-х годов VIII в. И. Ю. Крачковский затрагивает здесь такие вопросы, как пределы распространения ислама, арабский канцелярский язык (в том числе качество его стиля), организация почты, положение «маула» («мавали») — целой категории покоренного населения, принявшей ислам и перешедшей на службу к арабам, и т. д.

Пятая глава, под названием «Историческое значение», также заслуживает внимания. Здесь вызывает особенный интерес оценка исторической достоверности арабских повествовательных источников. Установилась традиция брать сообщаемые ими сведения под некоторое сомнение, что отражено в работах таких крупных исследователей, как Вельхаузен и В. В. Бартольд. Под их влиянием скепсис имеется и в известной работе Гибба об арабском завоевании Средней Азии. И. Ю. Крачковский, опираясь на изучаемый им арабский документ, со всей убедительностью показал, что скептицизм этот по сути дела неоправдан и что факты опровергают его и ставят даже вопрос о реабилитации рассказов ал-Мадаини, про которые В. В. Бартольд писал, что они «более походят на произведение эпического народного творчества, чем на историческое повествование»².

Между прочим, в этой главе И. Ю. Крачковский провел очень интересную мысль «Здесь (в Средней Азии.— А. Я.) они (арабы.— А. Я.) встретились с едва ли не наиболее культурной из всех завоеванных

¹ Ук. соч., стр. 54.

² Ук. соч., стр. 72 В. В. Бартольд, Записки Востоковедческого общества, XVII, 0141.

ими стран, подчинение которой требовало немало усилий и совершилось со значительными колебаниями¹. Следует отметить, что этот взгляд, в настоящее время широко распространенный среди специалистов историков и археологов нашей страны, впервые печатно был высказан И. Ю. Крачковским.

В заключение мне хочется остановиться на значении рассмотренной работы И. Ю. Крачковского в историографии Средней Азии. Только благодаря этой статье можно было датировать как самый арабский документ, так и весь замечательный комплекс письменных и вещественных памятников, найденных в 1933 г. в замке на горе Муг. Достаточно сказать, что без работы И. Ю. Крачковского мы не могли бы с точностью даже до столетия датировать уникальный памятник — деревянный щит, обтянутый кожей, с изображением согдийского всадника в красках. Более того, самый факт опубликования работы И. Ю. Крачковского обусловил появление ряда специальных исследований по разным вопросам истории Согда на основе материалов согдийской нумизматики.

«Древнейший арабский документ из Средней Азии» — монография, которую можно признать классической как по приемам исследования, композиции, так и по той роли, которую она сыграла в советской историографии Средней Азии и халифата.

Хорошо известно, каким большим мастером является И. Ю. Крачковский в области популяризации научных знаний.

Вспомним 1936—1938 гг., когда республиканская Испания героически боролась с испанским и германо-итальянским фашизмом. Симпатии всего Советского Союза были на стороне борющейся Испании. Мы стремились помочь тогда испанской демократии не только словами, но и делом. Нечего и говорить о том, как велик был наш интерес к Испании, к ее истории, к ее культуре.

И. Ю. Крачковский получал тогда часто запросы об арабских элементах в испанской истории. Откликом на эти запросы и явилась его брошюра «Арабская культура в Испании»²; написанная в форме исторической справки, она содержит всестороннее освещение поставленной темы. Брошюра состоит из шести частей: I. Хронологические рамки, центры культуры. II. Состав населения. III. Администрация, суд, войско. IV. Экономическая жизнь (земледелие, промышленность, торговля). V. Язык населения, школы, библиотеки. VI. Переход науки и поэзии в Европу.

К брошюре приложена литература предмета. Читать брошюру — большое наслаждение. Она пленяет композицией, в ней удивительно гармоничное распределение материала. Язык художественно прост и вместе с тем отличается свойственным автору изяществом. Брошюра написана с огромным знанием предмета и читается с одинаковым интересом и человеком, ищущим самообразования, и специалистом.

В брошюре мастерски разрешена одна трудность, которая редко преодолевается в популярных работах, — найдено такое количество нужных фактов, при которых сохранена максимальная конкретность и вместе с тем не затенена перспектива изложения. В брошюре совсем немного цитат из источников, но они останутся в памяти читателя надолго — настолько они выразительны. Если бы на брошюре не стояло имени автора, то будущие эксперты установили бы, что автором ее был выдающийся специалист — историк арабской Испании.

¹ Ук. соч., стр. 70—71.

² Изд. АН СССР, Москва — Ленинград, 1937.

В той части научного творчества И. Ю. Крачковского, которую можно отнести к области исторической, немалое место занимают рецензии на исторические работы. В качестве образца позволю себе привести рецензию И. Ю. Крачковского на книгу «Un manuel hispanique de Hisba»¹.

Рецензия была опубликована под заглавием «Торговая инспекция на востоке халифата и в арабской Испании» и помещена в «Библиографии Востока», выпуск 2—4 (1933)².

Особенностью рецензий И. Ю. Крачковского является то, что они написаны не только для того, чтобы отметить достоинства и недостатки разбираемой работы, но чтобы в том или ином направлении продвинуть на новую ступень знания затронутый в работе вопрос или в смысле сообщения новых фактов, или указания новых источников и литературы. Иногда рецензия И. Ю. Крачковского ставит своей задачей дать более или менее исчерпывающую библиографическую справку (включая в нее и источники) по вопросу или вопросам, затронутым в рецензируемой книге.

Для тех, кто занимается историей городской жизни на средневековом мусульманском Востоке, одним из важнейших и интереснейших вопросов являются административные порядки торговой и ремесленно-производственной жизни, связанные с деятельностью мухтасибов. Порядки базарной жизни средневекового города на мусульманском Востоке от Ташкента и Самарканда до Севильи и Малаги были весьма сходственны. Поэтому публикация источника, относящегося к западной окраине мусульманского мира, может быть полезна и исследователям этого вопроса на восточной окраине мусульманских стран. С этой точки зрения работа Colin и Lévi-Provençal, посвященная публикации и исследованию трактата о хысбе, составленного ас-Сакати-мухтасибом Малаги в XII в., представляет большой интерес. Рецензия И. Ю. Крачковского знакомит читателя с содержанием указанного труда, — и дает ему высокую научную оценку; она дает вместе с тем исчерпывающую историографию о хысбе и мухтасибах, приводит библиографию и, наконец, точно указывает, где еще находятся неиспользованные наукой рукописи аналогичного порядка.

Нечего и говорить, какую огромную пользу принесла эта рецензия всем, кто интересуется вопросами организации торговли в городах средневекового мусульманского Востока. В данной области это надежный, драгоценный справочник. Написать подобную рецензию мог лишь ученый с огромным охватом всей арабистической тематики на разных европейских языках и с исключительным знанием рукописных книгохранилищ мира.

И. Ю. Крачковский особенно ценит великие традиции русской востковедческой науки и тот огромный вклад, который она внесла по вопросам изучения Восточной Европы (Поволжья и Древней Руси) в IX—XIII вв. Основные вехи в развитии этой отрасли знания — труды Френа, Савельева, Куника, Розена, Бартольда, Коковцева составляют предмет гордости русской науки. Они ее монументальные памятники. В наши дни значительно возрос интерес к изучению арабских сведений о Поволжье и Древней Руси, а также о народах Кавказа и Средней Азии. И. Ю. Крачковский является единственным ученым, который не

¹ Un manuel hispanique de Hisba.

Traité d'Abu Abd Allah Muhammad b. Abi Muhammad as-Sakate de Malaga sur la surveillance des corporations et de la répression des fraudes en Espagne musulmane. Texte arabe publié avec une introduction, des notes linguistiques, un glossaire et une traduction française par g — s. Colin et E. Lévi-Provençal.

² Изд. АН СССР, Ленинград, 1934, стр. 98—104.

только прекрасно владеет всеми достижениями русской и иностранной науки по вопросу «арабские источники о Восточной Европе», но и ученый с наибольшим охватом в области знания самих арабских источников. В этом отношении он является прямым наследником последних корифеев в этой области — В. В. Бартольда и Маркварта. И не случайно, когда после смерти В. В. Бартольда встал вопрос о том, кто может возглавить работу — «о подготовке свода арабских источников» по Восточной Европе и даже шире, по СССР, взоры всех обратились к И. Ю. Крачковскому.

Около 15 лет тому назад И. Ю. Крачковским была составлена записка «О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии»¹. Записка эта представляет научно разработанный план подготовительных работ по извлечению из арабских источников всех сведений о Восточной Европе. Сюда входит составление критико-библиографической сводки научной литературы о Восточной Европе, которая использовала арабские источники, составление именной картотеки арабских авторов, сведения которых полностью или частично уже были использованы, составление списка авторов, извлечения из которых должны были войти в предполагаемое издание. К сожалению, до сих пор по независящим от автора обстоятельствам эти необходимые предварительные работы не выполнены. Однако в плане этих работ под непосредственным руководством и под редакцией И. Ю. Крачковского был издан труд под заглавием «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Это большой вклад в историографию Восточной Европы X в. и событие в деле изучения истории СССР. Впервые полностью издана в оригинале и переводе знаменитая записка Ибн-Фадлана. Особенно ценной частью работы является обширный комментарий к тексту, а также обзор источников и пособий. Заслуги А. Ковалевского в этой работе, конечно, огромны, однако высокое качество исследования обусловлено школой, общим руководством и редакторским глазом И. Ю. Крачковского.

В области изучения Восточной Европы по арабским источникам И. Ю. Крачковский — столь большой авторитет, что исследователи не могут обойтись без его руководства и консультации.

В области исторической тематики имеется еще один вид работ, который связан с именем И. Ю. Крачковского. Я имею в виду его предисловия к некоторым историческим трудам. Предисловия эти, как правило, невелики, однако всегда содержат интересные и глубокие мысли. Для образца я беру одну из последних работ этого рода — предисловие к прекрасной книге П. П. Иванова «Архив хивинских ханов XIX в.»².

Характерно, что предисловия И. Ю. Крачковский предпочитал писать к работам, представляющим собой издание источника (повествовательного или документального). Из предисловия к книге П. П. Иванова видно, как высоко оценивает И. Ю. Крачковский документальный источник из области землевладения, ирригации, административных управлений, сборы статистических данных, приходо-расходных записей и т. д.

В указанном предисловии И. Ю. Крачковский писал: «Открытия 30-х годов XX столетия в нашем Союзе начинают в корне менять эту картину»³ даже в области, которая являлась предметом специальных занятий В. В. Бартольда, — истории народов Средней Азии; эти откры-

¹ Записка напечатана в Записках Института востоковедения I, 1932, стр. 55—62.

² Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческими выводами. С предисловием акад. И. Ю. Крачковского, изд. Гос. Публ. библиотеки. Л. 1940

³ Имеется в виду отсутствие документального источника до этого времени. — А. Я.

тия уже захватили хронологически все периоды от древних времен до XIX столетия. В. В. Бартольд не дождался находки на территории Таджикистана исключительного по ценности собрания согдийских документов и единственного в своем роде арабского письма из эпохи завоевания арабами Средней Азии; он не мог ознакомиться с архивом шейхов Джуибари, ярко рисующим земельные отношения и всю экономическую жизнь Бухары в XVI в; не суждено было ему узнать и про находку архива хивинских ханов XIX в., которому посвящена настоящая публикация»¹.

Советские востоковеды считают большой честью, когда И. Ю. Крачковский дает согласие написать к той или иной работе предисловие. Согласие И. Ю. Крачковского означает, что работа заслуживает признания, более того, И. Ю. Крачковский никогда не дает согласия на предисловие, если внимательно не ознакомится с работой, а это обозначает, что он сделает ряд ценных замечаний, укажет промахи, найдет что-нибудь новое, что еще можно внести в текст, и т. д.

Много лет И. Ю. Крачковский работает над историей арабской классической географии. Это один из труднейших и вместе увлекательнейших сюжетов для арабиста-историка. До работы И. Ю. Крачковского в этой области имелось для разного времени два серьезных и глубоких исследования — одно написано уже давно (около ста лет назад) и устарело — это известное *Introduction générale à la géographie des Orientaux*, написанное Reinaud в приложении к изданию *Géographie d'Aboulféda*, другое — классическое «Введение» В. В. Бартольда к изданию Худад ал-Алем, которое в течение долгого времени будет привлекать к себе внимание исследователей.

Уже судя по тому, что некоторым из нас удалось узнать на докладах самого И. Ю. Крачковского (я прослушал только несколько глав его еще не напечатанной книги), исследование его по истории арабской географии представляет собой капитальный труд, затрагивающий главные вопросы сложения арабской географии как из области космографических воззрений, так и представлений по физической географии, географии отдельных стран, народов, городов, расстояний между ними, торговых путей и т. д., хотя сам автор и считает, что работа его написана в большей мере как история литературного жанра, чем как история географической науки.

Повидимому, особое место займут в этом труде биографии отдельных географов, отражающих на себе черты воззрений, обычаев и нравов своей эпохи. Обширные знания И. Ю. Крачковского, присущее ему дарование композиции, а также литературный талант — гарантия, что это будет интереснейшая и капитальная работа.

Обладатель точного научного метода, очень строгий к сухим мелочам исследования, И. Ю. Крачковский к прошлому подходит как живой человек к живой жизни. Вот почему он любит так жанр биографии и сам является мастером биографии арабских писателей, географов, историков и т. д.

Когда И. Ю. Крачковский берет в руки рукопись и занимается по ней со своими студентами, вместе с его ясной, конкретной речью перед слушателями встают живые люди прошлого — автор и среда, его окружавшая.

Востоковеды с большим интересом ждут выхода в свет книги И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», сочинения столь же научного, сколь и художественного, отражающего его мысли и чувства в долгой работе над рукописями.

¹ Ук. соч., стр. 5.

Б. А. РЫБАКОВ

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ

(1860—1945)

3 февраля 1945 г. археологическая наука потеряла старейшего своего деятеля, основателя многих разделов археологии, человека на редкость всеобъемлющих знаний — Василия Алексеевича Городцова.

Шесть десятилетий кипучей деятельности и напряженного творческого повседневного труда отданы Василием Алексеевичем нашей археологической науке. Когда он впервые вступал на путь исследователя, русская археология как наука была еще в младенческом состоянии: раскопки велись отдельными любителями, вещи изучались преимущественно только с художественной стороны, строгой научной методики изучения еще не существовало. К концу его жизненного пути советская археология стала неотделимой частью исторической науки, накопила огромное количество ценных материалов и создала ряд крупных обобщающих работ, далеко продвинувших вперед наши представления о древности.

Достижения многочисленного коллектива советских археологов — это в значительной мере заслуга Василия Алексеевича. Им выпестованы десятки археологов, занимающих сейчас ведущие места в научно-исследовательских и учебных учреждениях; им написаны руководства, по которым учились поколения археологов; им накоплены богатые коллекции материалов в различных музеях нашей страны. Не было ни одного раздела археологии, в котором В. А. не проложил бы новых путей. Он работал над изучением различных эпох, начиная от палеолита и кончая древностями XVII—XVIII вв., а временами переходя и к изучению этнографических материалов современности.

Василий Алексеевич проложил свой путь к науке. В дореволюционной России ему неоднократно приходилось восставать против косности, преодолевать эстетское любительское отношение к археологии, пренебрежение к массовым бытовым материалам. С первых же своих шагов в науке он неуклонно и твердо боролся с этими традициями прошлого, выработав совершенно новое отношение к раскопкам и к археологии вообще.

Положив в основу классификации орудия труда, эти «рычаги культуры», В. А. давно уже интуитивно пришел к материалистическому пониманию развития общества. После Великой Октябрьской социалистической революции В. А. занялся изучением классиков марксизма. В 1938 г. он вступил в ряды ВКП(б).

Всю свою жизнь В. А. отдал всесторонней пропаганде знаний. Музей, университет, публичные лекции — все это было средством для передачи своих знаний широким массам и специалистам-археологам. Он умел зажигать молодежь своим энтузиазмом, своей горячей любовью к науке. От учеников он требовал целеустремленности, упорного и постоянного труда, творческого отношения к археологии. Работая по 10—14 часов в сутки, он всегда находил время для бесед с учениками, для немедленных ответов своим многочисленным корреспондентам из разных концов Советского Союза, Европы и Америки.

Василий Алексеевич родился в с. Дубровичи, нынешней Рязанской области, 2 марта 1860 г. Образование он получил в Рязанской духовной семинарии, а затем, чтобы избавиться от духовной карьеры, поступил в юнкерское училище, из которого вышел офицером. На действительной военной службе В. А. пробыл 26 лет (вышел в отставку в 1906 г.).

Научная деятельность В. А. началась в 1888 г. исследованием окских неолитических стоянок. С 1903 по 1929 г. В. А. работал в Российском Историческом музее, перестроив там заново всю систему размещения археологических коллекций. С 1907 г. и до последних дней своей жизни В. А. вел преподавательскую работу (университет им. Шанявского, Моск. гос. университет, Моск. археологический институт). Состоя сотрудником Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, В. А. вел большую работу в Академии Наук СССР.

Правительство отметило деятельность В. А. присвоением ему звания заслуженного деятеля науки и награждением Орденом Ленина.

Вклад В. А. Городцова в археологическую науку велик и многообразен. Им впервые были открыты и изучены жилища эпохи палеолитических орудий. Назначение и способ изготовления некоторых орудий определялись экспериментально, и В. А. собственными руками изготовлял каменные орудия тесаной и скелотой техники. В области неолита В. А. сделал много для приведения в систему обильного керамического материала и изучения поселений и жилищ. В. А. не прошел также мимо знаменитой трипольской культуры, посвятив специальную работу определению трипольских площадок; он интересовался выяснением облика, археологически близкой к трипольской, культуры на Нижнем Дунае.

Крупнейшие открытия, имевшие широкое международное значение, были сделаны В. А. в области культур бронзового века. Открыв своими раскопками ряд новых культур в степной полосе, В. А. посвятил пятнадцать лет жизни их изучению и дал сводную работу о культурах бронзового века. К этой основной своей теме он неоднократно возвращался в дальнейшем, расширяя круг привлекаемых памятников, устанавливая связь с очагами мировой цивилизации в Египте, Месопотамии и Средиземноморье. До последних дней В. А. работал над завершением нового варианта сводного труда по эпохе бронзы (по его терминологии — палеометалла). Решающее значение имеют работы В. А. над изучением киммерийской культуры и крупнейшего городища — Бельского. В области античной археологии интересны его раскопки Елизаветинского городища на Дону.

Полный переворот был произведен В. А. в области изучения среднерусских городищ дьяковской культуры. Долгое время их считали ритуальными сооружениями. Остроумным раскопочным приемом В. А. доказал наличие жилищ (круглых шалашей и прямоугольных изб) и даже выяснил планировку поселений, расположение общественного жертвенника и др. Чрезвычайно важное значение для науки имели его раскопки Огубского и Старо-Каширского городищ.

Культуре железного века был посвящен ряд раскопочных и исследовательских работ В. А. Близ Мурома им был раскопан большой Подболотьевский могильник VI—XI вв., относящийся к Муромской летописи. Для южных областей им изучены типы погребений печенегов и половцев и на археологическом материале основано решение вопроса о юго-восточной границе домонгольской Руси.

Славяно-русская археология не всегда была в центре внимания В. А., но и здесь его заслуги огромны. Им раскопано значительное

количество славянских курганов. Изучено и описано много отдельных примечательных русских вещей XII—XVII вв., раскопан летописный город Донец, а также столица древнего Рязанского княжества — Старая Рязань, разрушенная Батыем в 1237 г. Это были первые раскопки русского города в таких масштабах. Открытие большого количества жилищ, ремесленных мастерских и множества бытовых предметов существенно обогатило нашу науку.

Наиболее яркой и смелой по своим выводам является работа В. А. о дако-сарматских религиозных элементах в русском народном творчестве.

Современный этнографический материал (вышивки на полотенцах) он сопоставил со скифо-сарматскими сюжетами и установил генетическую связь между ними. Тем самым русское народное искусство получило глубокую родословную. В. А. проложил здесь пути, по которым пошли все последующие исследователи; его замечательная статья стала краеугольным камнем в изучении русского народного искусства.

Приведенный беглый перечень работ В. А. уже показывает разносторонность его интересов, его универсальность. Своими широкими раскопочными работами в самых различных частях Союза он открыл целые эпохи в истории древних народов Восточной Европы.

Помимо исследований по частным вопросам, им написан ряд общающих курсов по археологии металлического периода.

В лице В. А. археологическая наука потеряла не только неутомимого исследователя, обогатившего музеи нашей страны новыми коллекциями, но и крупного ученого, способного к широким научным обобщениям, сделавшего археологию, благодаря точной исследовательской методике, настоящей наукой.

Зарубежные ученые, особенно во Франции, в Англии и США, уже давно считают В. А. Городцова «лидером» советской археологии и избрали его членом ряда ученых обществ и академий.

Облик В. А. — энтузиаста ученого с неукротимой энергией, широким кругозором, с удивительной научной интуицией, учителя почти всех работающих сейчас археологов СССР, надолго останется в памяти всех, кто знал его.

РЕЦЕНЗИИ

Греков Б. Д. Киевская Русь, изд. Акад. Наук СССР. М.—Л., 1944 г. 347 стр.

Большим достижением советской историографии является разрешение одной из самых сложных проблем истории русского народа — проблемы Киевского государства. Здесь все было неясно. Неясны были предпосылки образования Киевского государства, неясен был вопрос об общественно-политическом строе Киевского государства; наконец, неясен был вопрос о значении Киевского государства, в частности, о значении его в истории образования трех братских народов — русского (великорусского), белорусского и украинского. Между тем без ответа на все эти вопросы не могло быть ясности и в наших представлениях о дальнейших судьбах русского народа XII—XV вв.; в частности, не могла быть понята история Великого Новгорода, Галицко-Волынской Руси и Северо-восточной (Владимирской и Московской) Руси.

Одним из крупнейших исследователей Киевской Руси в последние годы является акад. Б. Д. Греков. Советская наука многим ему обязана. В своих многочисленных работах о Киевском государстве, которые им теперь обобщены в IV издании книги «Киевская Русь», Б. Д. Греков: 1) окончательно разрешил вопрос об общественно-экономическом строе восточного славянства, убедительно доказав, что восточные славяне издавна являлись земледельческим народом; 2) еще глубже обосновал то положение, что Киевское государство возникло не в результате внешнего воздействия, а в результате внутреннего общественно-экономического развития; 3) весьма много сделал для понимания процесса феодализации в Киевской Руси, связав этот процесс с процессом разложения общины; 4) уяснил источники возникновения класса феодально-зависимого сельского населения, высказав ряд новых и весьма интересных соображений о происхождении основных разрядов этого населения; 5) исчерпывающим образом определил значение Киевской Руси в истории русского, украинского и белорусского народов и вообще во всемирной истории. Решения любого из упомянутых вопросов было бы достаточно, чтобы обес-

печатить Б. Д. Грекову почетное место среди историков нашего союза.

Отмечая большое значение работ Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси, я считаю необходимым указать на ряд вопросов, недостаточно разработанных в его исследованиях.

Прежде всего сюда надо отнести вопрос о происхождении Руси. В последнее время советские исследователи, отделив вопрос о варягах от вопроса о Руси и признав варягов скандинавами, добились больших успехов в критике норманской теории происхождения Руси. Если ранее скандинавские имена первых русских князей или даже скандинавские названия днепровских порогов считались решающими доводами для отождествления варягов и Руси, то теперь, когда мы признали первых князей варягами-скандинавами и признали возможность, что варяги давали свои названия порогам на великом пути «из варяг в греки» и что Русь их усвоила как международную номенклатуру, у норманистов оказалась выбитой почва из-под ног. Основные доводы норманистов утратили свое значение. Если мы учтем огромный, все увеличивающийся комплекс арабских и византийских свидетельств о южной, черноморской Руси, то в свое время общепризнанную теорию норманистов придется считать в сущности ученым предрассудком.

Под ударами доводов антинорманистов норманская теория была вынуждена делать уступку за уступкой. Акад. Васильевский вынужден был преобразовать норманскую теорию в готскую, а В. А. Брим сделал попытку создать компромиссную теорию о существовании двух центров Руси — «северной» — скандинавской и южной — славянской. Это было своего рода агонией норманской теории. В самом деле, кому покажется убедительным предположение, что на территории Восточной Европы были две разные Руси и в результате объединения этих двух разных по своему происхождению этнических групп, появилась третья Русь?

При решении научных вопросов Б. Д. Греков всегда занимает свежую и оригинальную позицию. Но в вопросе о происхождении Руси он, по нашему мнению, недостаточно решителен. Это сказывается на соответствующем разделе его работы. Приведем только один пример. Остров, на

котором живет «Русь», по прямому указанию арабских писателей, находится между Хазарией и Византией (разрядка моя.—С. Ю.), т. е. должен находиться на юге. А между тем, Б. Д. Греков, хотя и ютказывается определить местонахождение этого острова, но называет его «варяго-руским» и высказывает «определенное подозрение», что он находится в Упланде, в Швеции, т. е. на прибрежной полосе, называвшейся Рослаген. После этих подозрений он категорически заявляет: «Это Русь северная» (стр. 255). Между тем, большинство современных исследователей считает, что этот остров находится на юге, на побережье Азовского моря, причем есть основания прямо указывать на дельту р. Кубани. Вполне естественно пожелание, чтобы акад. Б. Д. Греков вновь вернулся к вопросу о происхождении Руси и пересмотрел его в свете новейших данных.

Второй вопрос, который требует пересмотра,— это об основных этапах истории Киевского государства. Акад. Б. Д. Греков свою книгу делит на ряд разделов, из коих основные посвящены «общественным отношениям Киевской Руси» (стр. 62—157) и «важнейшим чертам политического строя Киевской Руси» (158—236). Он дает таким образом суммарную характеристику общественному и политическому строю Киевской Руси за весь период ее существования. А между тем, трудно допустить, чтобы государство, существовавшее в течение трех веков, не совершило достаточно сложной и глубокой эволюции в общественно-экономическом и политическом отношениях. Если такая эволюция происходила, то появляется необходимость указать на определенные этапы в ней. В советской литературе этот вопрос многократно ставился. Достаточно вспомнить работы С. В. Бахрушина, В. А. Пархоменко. В своей книге «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» я поставил вопрос о делении Киевской Руси на два периода: период дофеодальный и период феодальный, дав характеристику каждому из этих периодов. Уже тот факт, что советская наука очень интересуется этой проблемой, должен был бы побудить акад. Грекова более тщательно осветить этот вопрос. В других своих трудах акад. Б. Д. Греков останавливается на характеристике дофеодального и феодального государства, но в разбираемой сейчас книге он уделяет этому недостаточное внимание. Касаясь мимолетом взглядов других исследователей, он вовсе обходит молчанием мою схему развития Киевского государства.

Б. Д. Греков может ответить, что, касаясь развития общественно-экономического и политического строя, он говорит об эволюции тех или иных институтов или тех или иных учреждений. Но дело идет не только об изменении этих институтов или учреждений, а о различных этапах в развитии Киевского государства — этапах, которые «качественно» отличаются друг от друга. Необходимо специально выде-

лить период дофеодальный — (до Владимира Святославовича) и период феодальный, и дать характеристику каждому из этих периодов в отдельности. По мере дальнейшего, более глубокого изучения Киевской Руси, несомненно, определится необходимость выделения в феодальном периоде и особого очень важного этапа — этапа становления феодального государства, охватывающего деятельность князей Владимира и Ярослава и предшествующего дальнейшему феодальному распаду Киевской Руси, проявившемуся уже при Ярославичах. Словом, только дифференцированный по периодам и этапам подход может привести к дальнейшим успехам в изучении Киевской Руси.

В своей характеристике общественно-экономического и политического строя Киевского государства Б. Д. Греков не уделяет должного внимания тому факту, что уровень развития отдельных частей государства был не одинаков, он не указывает на особенности в развитии этих частей. А между тем имеется вполне достаточный материал для установления этих особенностей. Совершенно ясно, насколько необходимо указание на них, без этого будет непонятна дальнейшая история земель, на которые распалось Киевское государство, например история Галицко-Волынской, Новгородской и Владимирской земли.

Недостаточно затронут акад. Б. Д. Грековым и вопрос о городах и городском населении. В частности, не указываются те изменения, которые произошли в городах Киевской Руси в период развития феодализма. Наконец, и характеристика политического строя не освещает многих весьма важных черт, в частности Б. Д. Греков не касается территориальной структуры, системы центральных и местных органов и иммунитета.

Рецензируемая книга в основном состоит из двух частей: характеристике общественно-экономического строя Киевской Руси и кратко очерка ее политической истории. Если первая часть носит характер глубокого научного исследования, то краткий очерк политической истории является в сущности популярным очерком, в котором содержатся разделы, не имеющие прямого отношения к проблеме о Киевской Руси (например, раздел «народы Кавказа»). Да едва ли на семидесяти страницах можно дать нечто большее, нежели краткий популярный очерк политической истории Киевской Руси. Возникает сомнение: нужно ли в одной книге давать два качественно различных раздела?

Б. Д. Грекову приходилось подвергать критической оценке взгляды советских историков, иначе подходов бы к разрешению поставленных им вопросов; когда такой крупный историк подвергает критике взгляды других исследователей, он должен чувствовать большую ответственность.

Между тем Б. Д. Греков иногда в пылу полемики упрощает взгляды своих противников и тем создает у читателя представление о полной их необоснованности. Приведу несколько примеров

М. Д. Приселков напечатал статью о Киевском государстве второй половины X в. по византийским источникам. В результате анализа византийских источников автор пришел к весьма интересным выводам. Б. Д. Греков упрекает автора в том, что его выводы столь же смелы, сколь и необоснованны. В чем же их смелость и необоснованность, Б. Д. Греков не показывает.

Другой пример: критикуя мои взгляды о происхождении Руси, где я высказываю предположение, что словом «Русь» вначале называлась особая социальная группа, возникшая в процессе разложения первобытного общинного строя, Б. Д. Греков подчеркивает одну сторону моих положений, те мои фразы, где я говорю о русских — купцах (стр. 257). Правда, Б. Д. Греков делает оговорку, что «автор к купцам присоединяет и профессиональных воинов, и ремесленников, и родо-племенную знать и поселяет их в городах». Б. Д. Грекову однако следовало бы снаться и с тем местом моей статьи, где я пишу:

«Итак, как нами выяснено, Русью называются в памятниках IX—X вв. особые социальные группы, возникшие на территории восточного славянства в результате разложения первобытно-общинного строя. Основные центры руссов — города явля-

ются очагами классового общества. В этих городах сидят представители родо-племенной знати, которые оторвались от своих корней в роде и племени, — работорговцы, купцы, ремесленники.

Верхушка руссов давно обзавелась рабами. Но в эти города стекаются выбитые из колен общинники: они составляли городские низы, эксплуатируемые городской верхушкой».

Как видно, «руссы» у меня не только купцы, как это приписывает мне акад. Б. Д. Греков. Следовательно, и моя фраза «руссы вместе с тем являлись организаторами первых государств» касается не одних купцов.

Таковы основные замечания, которые можно сделать по поводу рецензируемой книги.

Закончу пожеланием, чтобы Б. Д. Греков продолжил свою плодотворную работу по изучению Киевской Руси.

То, что ям уже сделано в этой области, является ценнейшим вкладом в советскую науку.

Член-корр. АН УССР С. В. Юшков

ПОПРАВКИ

В № 5 нашего журнала за 1944 г.

По техническому недосмотру на стр. 196 помещена сноска, не имеющая отношения к данному тексту.

В № 6 за 1944 г.

стр. 266, строки 1—3

Следует читать: «В октябре 1929 г., докладывая Академии Наук о только что раскопанном мною погребении на урочище Пазырык Восточного Алтая, Н. Я. Марр...» и т. д.

стр. 270 » 36

После слова «потому» пропущены слова: «что тамошние пастбища скудны... никто из людей не обижает их потому...»

стр. 272 » 28

Вместо слова «медали» следует читать «модели».

Редакция

Ответственный редактор академик В. П. Волгин

Подписано в печать 6 IV.1945 г.

Печ. л. 3 $\frac{1}{4}$.

Уч.-изд. л. 5,25

A16600

Тираж 1000 экз.

Цена 6 руб.

Зак. 114

2-я типография издательства Академии Наук СССР,
Москва, Шубинский пер., 10.